

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-159-190

**ПИСЬМА К. Д. БАЛЬМОНТА К И. С. ШАЙКОВИЧУ
(1933—1934)****(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© К. М. АЗАДОВСКОГО)****(Продолжение)*****35**

Кламар. 1933. 5 января.

Дорогой

Иван Степанович,

Получив от Вас целую связку Ваших стихов, и листок письма при сем, от 20-го декабря,¹ я погрузился в благодатную стихию сербской-Вашей-души. Моя душа немедля откликнулась. Глаз тотчас заприметил, при перелистывании еще, что шесть Ваших поэтических восклицаний мне желанно-близки. И вечером 26-го декабря пропел-прошуршал Ваш «Ветер», а весь следующий день был сладостным потоплением в поэзии. Я вписывал русские строки на Ваших сербских листах. Срезаю эти не очень черные черновики и шлю их Вам к нашему Новому Году.² «Ветер», «Кроткая осень» и «Прислушивание» я соединил заглавием «Трилистник» и послал сегодня в «Россию и Славянство».³ — «Наедине с тишиной», «Причастие земли» и «Воскресение», чрезвычайные по глубине и свежей прелести, я соединил заглавием «Душа в Природе» и еще не знаю, куда послать.⁴ Хотелось бы видеть это в «Последних Новостях». Но вот наша беда: Милюкова не жалуют в Сербии, и он за это не жалуется Сербии. Однако попробую.⁵

Верно, скоро получу от Вас подробное письмо.

Друг, Вам и верной Вашей душе-спутнице,

Валентине Петровне

от нас обоих привет.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Копия этого «листка» в архиве Шайковича не обнаружена.

² Автографы всех шести переводов, выполненных Бальмонтом, сохранились в стокгольмском архиве Шайковича. Дата под переводом стихотворения «Ветер»: 1932.XII.26; дата под остальными стихотворениями: 1932.XII.27.

³ Опубликовано: Россия и славянство. 1933. 1 авг. № 223. С. 4.

⁴ Эти три стихотворения Шайковича, переведенные Бальмонтом, появились в Выборгском «Журнале Содружества» (1934. № 3 (15). С. 16—17). Заголовок «Душа в Природе» в публикации отсутствует.

⁵ «Буду очень рад, если это напечатают, — откликнулся Шайкович в письме от 4 февраля 1933 года, — хотя сомневаюсь, чтобы Милюков согласился видеть стихи Шайковича в своей газете. Мы с ним когда-то полемизировали, и я знаю, что он очень злопамятный. Посмотрим». Публикация в «Последних новостях» не состоялась.

36

Кламар.
1933. 9 января.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Едва я написал Вам последнее письмо, ночью, как утром получил от Вас братский Ваш подарок (большая это радость и такая ценная помощь в трудную минуту, но зачем обделять себя, когда самим Вам трудно!)¹ и получил от дорогой Валентины и Вас так свежо и светло по-сербски прозвучавшее «...Кличемо: Христос се роди!»² Как захотелось, от этих звуков, быть в Церкви, быть в Славянской Коляде, в звездных снежинках, в радости улыбающегося своего лица, через зимнюю ночь возникшего, в теплой уютной комнате, среди тебя приветствующих, ласковых, родных лиц.

Счастья Вам обоим да пошлет Судьба! Напева от взора к взору, песен в душе!³

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Видимо, банковский чек. Желая поддержать бедствующего поэта, Шайкович регулярно посылал ему в 1930-е годы такого рода «подарки».

² «...Восклицаем: Христос воскрес!» (сербск.).

³ Ср. строку «От взора к взору пела тишина» в стихотворении Бальмонта «Встреча» (1929), обращенном к И. С. Шмелеву. Впервые: Россия и славянство. 1929. 14 сент. № 42. С. 3.

37

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1933. 13 февраля. 12 ч(асов) н(очи).

Дорогой
Иван Степанович,

Спасибо Вам сердечное и поистине растроганное за Вашу дружескую заботу обо мне и за все Ваши милые мысли обо мне и слова. Получив Ваше письмо от 4-го февраля я утром так взволновался всеми несчастьями, Вас постигшими с Нового Года, что не было у меня в душе отзвука на Ваш стих «Сред опала лишѣ»,¹ и я даже пошутил, говоря Елене Конст(антиновне): «Поэты свой миг просветления так любят, что этот миг часто принимают за поэтическое достижение». С нами такой самообман, правда, случается часто. Но в тишине ночи того же дня я перечитал Ваше письмо и Ваш стих — и пленился им.² Он унес меня в далекое-далекое мое прошлое, в мою родную деревню Гумници, в сентябрь 1889-го года, когда, увидев в позднем цветке застывшего от стужи шмеля, я положил его к себе на ладонь, согрел дыханием, и он ожил, ползал на моей руке, не жала меня, и, счастливый возрождением, улетел. Я подумал тогда: «Лучше бы он меня ужалил, — лучше бы погасшая любовь ранила, но не погасала бы, а жила!» В том юном моем часе, за осенним шмелем трепетал человеческий дух, — здесь, в Вашем умудренном осеннем часе, за опавшими листьями возле запоздалого цветка — зыбь человеческого духа, соприкоснувшегося с Миром Верховным. И вот Вам новая «бабочка на белом листке».³ Да прилетают еще и еще цветистые бабочки из русского, зазыбленного сербским ветром, голубого простора.

Для «Летописа»⁴ что-н(и)б(удь) придумаю.

«Посл(едние) Нов(ости)» и «Рос(сия) и Слав(янство)» (исхудавшее),⁵ пока, молчат.

Поправилась ли дорогая Валентина Петровна и сын Ваш?⁶ Эти беды, верно, совсем истерзали Вас. Да почаруют благие силы Судьбы.

До новых строк, дорогой друг. Вы далеко, но Вы с нами часто, в ласковом говоре.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ «Среди опавших листьев» (сербск.).

² «Пленившиеся» стихотворением Шайковича, Бальмонт сразу же перевел его на русский язык. Приводим полностью текст этого перевода, ранее не публиковавшегося:

Ив. Шайкович.

ОПАВШИЕ ЛИСТЬЯ

Осень — и тени все гуще, темнее,
Синее небо в глуби голубее,
Солнца торжественный образ высок.
Что за сияньем? Готовится что-то?
Там умирание? Или дремота?
Мыслит, дивясь, запоздалый цветок.

Зябь завладела нагими ветвями, —
Он еще в сказке, изваянной днями,
Жизнь обеднела, но тайный в ней вскрик.
Листья опали, но в их онеменье
Солнца ниспало щедротное рденье,
Сверху — Господний все видящий лик.

1933. 8 февраля.

К. В(альмонт)

³ Получив от Бальмонта перевод шести своих стихотворений (см. прим. 2 и 4 к п. 35), Шайкович отозвался 4 февраля следующим пассажем: «Какие перлы Вы создали. И как Ваши тонкие вязания были милы на этих белых листочках. Как бабочки». Образ стихотворения «бабочки» варьируется и в дальнейшей переписке Бальмонта и Шайковича (см. п. 59 и др.).

⁴ Имеется в виду журнал «Летопис Матице српске» (с 1824 года по настоящее время), старейший в мире журнал, издаваемый литературно-научным и культурно-просветительским объединением «Матица српска». С 1933 по 1935 годы его редактировал Никола Милутинович. «Сербский лучший журнал „Летопис Матице српске“, — сообщал Шайкович в конце своего письма от 4 февраля, — недавно перешел в руки моих друзей. Если бы Вы пожелали и смогли написать что-нибудь специально для этого журнала, я бы с большим удовольствием это перевел и послал бы „Летопису“. Конечно, вещь бы Ваша вышла не как перевод, а как оригинал на сербском. „Летопис“ статьи оплачивает». Однако статьи или очерка для «Летописа» Бальмонт, сколько известно, не написал.

⁵ Еще на рубеже 1932 и 1933 годов еженедельник «Россия и славянство» столкнулся с серьезными финансовыми трудностями; сократился его объем, изменилась структура. См. прим. 3 к п. 29.

⁶ «С Нового года у нас шло довольно плохо, — писал Шайкович в своем письме. — Валентина Петровна упала в здешней городской библиотеке (поскользнулась на гладком полу), так что последствия были плохие, хотя нога не сломалась, слава Богу. Затем, гораздо хуже, была страшная тревога из-за тяжелой болезни моего старшего сына, находящегося в армии в Белграде. Мalaria (sic!), инфлуэнца, ангина, воспаление носа, операция, все одно за другим и одно хуже другого. Его перенесли в бессознательном состоянии из больницы в больницу. Ожидались самые печальные последствия. Бог знает, что мы все испытали за это время. Теперь, слава Богу, сообщают, что сын поправляется и, должно быть, нет больше опасения за жизнь. Плохо, что мы так далеко — не поедешь туда, чтобы ни случилось». Речь идет о сыне Шайковича — Игоре (см. прим. 11 к п. 1).

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1933. 17 м<а>рт<а>.

Дорогие друзья
Валентина Петровна и Иван Степанович,

Спасибо Вам сердечное за подарок, пришедший как волшебная весть о сердцах, умеющих себя обделять во имя далеких друзей.¹ Вчера, засыпая, не знал, будет ли у меня что поесть, и сердито роптал про себя, думал о жестокостях Судьбы. А сегодня опять хочу верить, что трудности победимы.

Светлых дней Вам обоим.

Дорогой Ив<ан> Ст<епанович>, Ваше перо упорно капризничает: Вы пишете* на конверте: «Clemart, Saine» и даже: «Clémart, Sains». Что письма Ваши доходят, это тоже чудо. Надо писать: «Clamart, Seine».

Потом. Не стоит тратить на «express», он приходит, как и простое, на 5-й день, лишь на 1 ½ часа ранее. И последний экспресс, от 22-го февраля, пришел с расклеившимся конвертом, так что и интересное Ваше письмо, и отличный перевод «Из вечера у ноћ»² могли вывалиться.

Радуюсь, что посетившие было Ваш дом недуги прошли. Какую работу готовит Валентина Петровна?³

Очень меня интересует, что сказано в статье «Несколько слов о Бальмонте».⁴ Буду ждать этого №-а «Летописа» и размышляю, что бы написать для него.

С наступившей весной с более жестокой ясностью видно, что в жизни народов лютая метель не кончается. Во Франции ждут скорой войны с Германией.

Милым помнящим друзьям всего лучшего.

Ваши

Е. К. и К. Бальмонт.

P. S. Нет, Вы не «писец», хоть и записываете, как и я, минуты наития. Эти минуты и показывают, что Вы — поэт, лирик чистой воды.

Был в Париже «Вечер Поэзии» на тему «Почему я пишу стихи?»⁵ После рассудочных говорителей, весьма унылых, хотя по календарю молодых, я встал и сказал горячее слово о нелепости этого вопроса и о живущих в нас голосах. Кончил стихом «Писать стихи». Вызвал взрыв восторга. Прилагаю эти строки.⁶

¹ См. прим. 1 к п. 36.

² «Из вечера в ночь» (сербск.). Имеется в виду стихотворение Бальмонта «Из вечера в ночь» («Мне дни утомительны...»), опубликованное в «Последних новостях» (1933. 5 фев. № 4337. С. 3). Перевод Шайковича напечатан в приложении к его статье о Бальмонте (см. прим. 4 к данному письму и прим. 4 к п. 45).

³ «Спешу сообщить Вам, что я получил сегодня от моего сына известие, что он вышел из больницы, причем дали ему на две недели отпуск „на поправку“, — сообщил Шайкович в письме от 22 февраля 1933 года. — Слава Богу, наконец можно вздохнуть после много <sic> недель больших волнений. Валентина Петровна тоже поправилась и сейчас же принялась энергично за свою мудреную „еврейщину“ и еще какую-то важную работу. Ее область мне непосильна, и я только со стороны смотрю и диву дивуюсь». О занятиях В. П. Шайкович древнееврейским языком см. прим. 7 к п. 13.

⁴ Статья Шайковича «Неколько речи о Бальмонте» («Несколько слов о Бальмонте») опубликована в журнале «Летопис Матице српске» (1934. Кн. 349. № 1. С. 103—110).

⁵ Вечер «Почему я пишу стихи», устроенный редакцией журнала «Числа», состоялся в парижском Salle des Sociétés Savantes (Зал Ученых Обществ) 14 марта 1933 года. Участвовали: Г. Адамович, К. Бальмонт, З. Гиппиус, Д. Кнут, А. Ладинский, Д. Мережковский, Н. Оцуп, Б. Поплавский, Ю. Терапиано, Л. Червинская, М. Цветаева и др. В газетном отчете, посвященном этому вечеру, сообщалось: «Первой говорила З. Н. Гиппиус, как всегда, не столько „высту-

* уже несколько раз

павшая”, сколько заведшая с присутствующими непринужденную личную беседу. Затем Марина Цветаева, Оцуп и другие. Все настаивали, что стихи возникают сами собой и, как ни хотел бы поэт ответить на вопрос, „отчего он пишет”, сделать это невозможно. Бальмонт усмотрел в речах некоторых ораторов рассудочность и со страстью обрушился на них, доказывая, что поэт считается только с наитием, с таинственными голосами, нашептывающими ему стихи, — и ни с чем более. Публика аплодировала всем одинаково. Суждение ее узнать было трудно. <...> Было в целом оживленно, содержательно и интересно» (Г. А. дамович). Вечер «Чисел» // Последние новости. 1933. 16 марта. № 4376. С. 3). См. также: Числа. 1933. № 9. С. 199 (раздел «По литературным собраниям»).

⁶ К письму был приложен цикл «Весенние», состоящий из трех стихотворений: «1. Златоок («Взнесенный стебель златоока...»); 2. Если б («Если б все зори, рассветы, закаты...»); 3. Писать стихи («Писать стихи? Но разве пишет сердце...»)). Дата под стихами: 1933. 10 марта. Опубликовано: Последние новости. 1933. 28 мая. № 4449. С. 3; то же: Проектор (Шанхай). 1934. № 15. С. 11.

39

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1933. 6 апреля.

Христос Воскресе, дорогие друзья, Иван Степанович и Валентина Петровна, Воистину Воскресе!

Вчера получили Ваш добрый подарок.¹ Сердечное спасибо. Целую неделю душа будет спокойна, и на Пасхе у нас будет пасха. Весна да почарует Вам.

У нас весна уж в полном расцвете. Яблони, вишни — белые поэмы. Целое озеро — море цветов. Смотришь на это цветочное изобилие под Солнцем, и голова кружится, в ней красочный благовест.

На выставку Мештровича постараюсь попасть.²

Весьма признателен, Иван Степанович, что Вы отвергаете преднамеренную <sic!> и преупорную клевету на меня. «Бальмонт — вождь русских декадентов». Самое слово «декадент» мне было всегда противно. Если многие, сим именем, точнее — кличкой, означенные, пытались мне подражать, моя ли в том вина.³ В поэзии моей многим, — знаю, — есть чем поживиться. Но если сейчас две дюжины Мазилкиных напишут четыре дюжины белоцветных посредственных картин «Весна», виновата ли будет в том Весна в своих белых венчальных одеждах!

До скорых новых строк.

Любовь и привет.

Ваш

К. Бальмонт

¹ См. прим. 1 к п. 36.

² Мештрович Иван (1883—1962) — хорватский скульптор и архитектор. Выставка его работ в Париже, организованная только что открывшимся Национальным музеем современных зарубежных течений, состоялась в марте—апреле 1933 года в галерее Жё-де-Пом (сад Тюильри). «Видели ли Вы выставку нашего Мештровича в Париже? — спрашивал Шайкович Бальмонта в письме от 1 апреля. — Было бы очень хорошо. Может быть, пришло бы вдохновение написать что-нибудь о ней». Бальмонт, судя по всему, выставки Мештровича не посетил и на предложение Шайковича не откликнулся.

³ Отвечая на слова Бальмонта в предыдущем письме («Очень меня интересует, что сказано в статье „Несколько слов о Бальмонте”»), Шайкович писал ему 1 апреля: «Эту статейку я выстукал на машинке экспромптом <sic!>, вот как выстукиваю это письмо. Конечно, это не оправдание, но я ведь такой есмь. Бранить будете, так, прошу, не разлюбите. Помню, что я отверг утверждение, что Бальмонт — вождь русских декадентов. Надоело мне это слушать. К тому сказал еще кое-что вразрез с общим мнением».

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1933. IV. 28.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Я замедлил ответом на Ваше интересное и светлое письмо (все Ваши письма — светлые) от 6-го апреля. Но каждая вторая половина месяца (правильнее было бы сказать по-русски: 2-я половина каждого месяца) бывает у нас неизменно такая трудная, что вот, до мая, может быть, не смогу послать Вам это письмо, — нет марок. Да, времена тугие. А кроме того, я уже 1 ½ недели в большом напряжении: 6-го мая в Париже будет мой «Вечер Поэзии», я подбирал стихи, которые буду читать, вырабатывал программу, которую несколько раз переменял, и писал вступительное слово на тему «Как возникает стих?»¹ Писать об этом было сладостно и, кажется, выбрав строгий путь самоограничения и мысленно отбросив ¾ богатств, которые просились в слово, я сумел сказать нечто свежее и крепкое. Мой самый зоркий судия, Елена, в восторге. Вчера, пред отъездом в Капбретон, у нас провел утро Ив(ан) Серг(еевич) Шмелев. Читал ему. Он сказал, что заслушался. Ну, значит, соловьи и дрозды не даром поют мне за окном, в саду, что напротив.

Ваше решительное слово мне очень нравится: «Я знаю, что добро *есть*. Есть, *раз я его чувствую в себе!*» Лишь это и ведет нас. Путь в этом, и стропила дома в этом.² Это успокоительно-твердое «Cogito, ergo sum»³ нашей напевной, лученосной души.

2-го тома «Горных Вершин» (1-го нигде не достать) не было,⁴ но, вместо него, в том же роде, были напечатаны «Белые Зарницы», Спб. 1908⁵ и «Морское Свечение», 1909.⁶ Легче всего найти в Варшаве.

Фета считаю моим поэтическим отцом⁷ и счастлив, что Вы его так любите.

«Русский Христос» проф(ессора) Шульца (привет ему, пошлю ему «Северное Сияние»⁸ на днях) хороший очерк, но жаль, что он начинается с ошибки: С. Аксаков и Мельников-Печерский гораздо выше Чехова.⁹

«Пахман свира»¹⁰ у Вас отлично вышло. Я пошлю Лидии Нобль.¹¹

Друг, приветы Вам и дорогой Валентине Петровне. Спешу к работе. Будьте счастливы.

Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. 29-го апреля. Сегодня у меня праздник. Вдруг, в точности — в несколько минут, у меня, — кажется, совсем хорошо, — пропелось Ваше «Неиссказуемое».¹² Прилагаю.¹³ Знаю, Вы будете рады.

И прилагаю программу своего вечера.¹⁴

¹ Публикация очерка «Как возникает стих?» не выявлена. Машинопись сохранилась в архиве Шайковича. См. также прим. 14 к данному письму и п. 41.

² Отклик на слова в письме Шайковича от 6 апреля 1933 года: «Наше время кажется мне тем хуже и страшнее, что в нем все меньше видать борьбу добра со злом, а происходит на всем Земном Шаре какое-то ужасающее самопожирание зла злом. С одной стороны, казалось бы, это хорошо: пусть зло уничтожается с двух концов. Да, но что будет с добром? Вообще, где оно спряталось, куда ушло? Почему оно бездеятельно? Где его носители и проводники? Или их вообще нет? Одна маска? Что такое тогда наша жизнь? Ставлю этот вопрос, потому что его нельзя не ставить, но я знаю, что добро есть. Есть, *раз я его чувствую в себе*. Этого достаточно, чтобы чувствовать потребность жить и не повеситься...»

³ «Мыслью, следовательно, существую» (лат.).

⁴ Бальмонт отвечает здесь на другой пассаж Шайковича в том же письме от 6 апреля: «Прочитал с громадным наслаждением Ваши „Горные вершины“. Как, кроме остального, Вы

прекрасно показали разницу между поэзией, с одной стороны, Пушкина и Лермонтова, и, с другой, — Тютчева и Фета. И до сих пор люди не чувствуют эту правду. (Кстати, можно ли до-
стать, купить эту чудную книгу? Вышла ли вторая часть?)».

⁵ Имеется в виду кн.: *Бальмонт К. Д.* Белые зарницы. Мысли и впечатления. СПб.: Изд. М. В. Пирожкова, 1908.

⁶ В действительности книга Бальмонта «Морское свечение» была издана в 1910 году (СПб.; М.: Издание т-ва М. О. Вольф).

⁷ «Обожаю Фета, — писал Шайкович Бальмонту 6 апреля. — Это один из величайших мировых лириков и самый поэтический поэт. И как его мало знают и ценят. И при всем этом, как ни странно, огромное влияние имел Фет на новейшую русскую поэзию, хотя это замалчивают больше всего те, кто у него учился. Фет — великий учитель. Это должно быть когда-нибудь признано, и он будет стоять высоко, как Пушкин в своей школе».

⁸ «Северное сияние. Стихи о Литве и Руси» — стихотворный сборник Бальмонта (Париж: Родник, 1931).

⁹ Речь идет об одной из статей О. фон Шульца, преподавателя русской литературы в Гельсингфорском университете (см. прим. 26 к вступ. статье). «Мой приятель проф(ессор) Шульц, — сообщал Шайкович 6 апреля, — напечатал в „Летопис'е“ статью: „Русский Христос в русской литературе“. Статья небольшая, но интересно. Обещал послать и Вам». Статья Шульца «„Руски Христос“ у руској књижевности» в переводе Шайковича (и, разумеется, при его посредничестве) появилась в журнале «Летопис Матице српске» (1933. Кн. 336. № 1. С. 61—65). Ср. русское издание лекций Шульца: *Шульц О. фон.* Светлый жизнерадостный Достоевский. Петрозаводск, 1999.

¹⁰ «Пахман играет» (сербск.).

¹¹ Владимир фон Пахман (1848—1933) — русский пианист, прославившийся исполнением Шопена. Умер в Риме. Автором стихотворения «Пахман играет» была Лидия Нобль (см. о ней прим. 11 к п. 11). «Присылаю Вам мой перевод „Пахман свира“ Лидии Нобль и мой стишок „Свитана“», — приписал Шайкович к письму Бальмонту от 6 апреля 1933 года («Свитана» — женское имя). Бальмонт, со своей стороны, также перевел это стихотворение Л. Нобль и опубликовал свой перевод в «Последних новостях» (1933. 15 янв. № 4316. С. 2).

¹² Стихотворение Шайковича (в переводе Бальмонта — «Неиссказуемое») опубликовано в «Журнале Содружества» (1934. № 3. С. 16).

¹³ Под рукописным текстом — дата («1933.IV.29») и приписка: «С Юга на Север».

¹⁴ «Вечер поэзии» Бальмонта состоялся 6 мая 1933 года в зале «Социального музея» на улице Лас Каз, 9 и состоял из двух отделений. Первое, обозначенное в афише как «Вступительное слово», состояло из следующих разделов: 1) «Как возникает стих?»; 2) «Стих и Музыка (Слияние двух Начал)»; 3) «Руставели, Гоголь, Мицкевич и Достоевский о слове и музыке»; 4) «Власть стиха». Во втором отделении Бальмонт, согласно программе, читал следующие произведения: 1) «Серебряные туфельки (Слова любви)»; 2) «Ваянья весны. Новые стихи»; 3) «Светослужение (Из неизданной книги)»; 4) «Песни о России».

41

Clamart. 1933. 13 мая.

Дорогие друзья Иван Степанович и
Валентина Петровна,

Спасибо, спасибо Вам за ласку и дружеский подарок. Пишу сейчас два слова — спешу на почту. Шлю «Как возникает стих»¹ и «Стих и песня».² Буду счастлив, если вы, дорогой Ив(ан) Ст(епанович), переведете это на сербский язык и побудите Вашего приятеля³ перевести на шведский.⁴

Вечер, хоть в зале, лишь наполовину заполненной, был истым праздником.⁵ Как хорошо, что Вы меня слушали! Это магия!⁶

Вдогонку напишу подробно.

Любовь и счастье Вам, родные!

Ваш

К. Бальмонт.

¹ См. прим. 1 к п. 40.

² Очерк Бальмонта, опубликованный в «Последних новостях» (1933. 4 мая. № 4425. С. 3).

³ Имеется в виду О. фон Шульц.

⁴ О переводах этих очерков Бальмонта на сербский или шведский язык нет сведений.

⁵ См. прим. 14 к п. 40.

⁶ «Вчера вечером, — писал Шайкович Бальмонту 7 мая 1933 года, — мы с Валентиной Петровной „подслушивали“ с радостью Вашу лекцию и шелест стихов. (...) Душой мы были с Вами. И это было счастье».

42

Clamart. 1933. 11 июня.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Только что перечитал Ваше последнее письмо. Оно от 7-го мая. Давно от Вас нет вести. Конечно, я сам в этом виноват. Ведь послав Вам «Как возникает стих?», я хотел вдогонку написать подробно. Увы, не написал. Но сколько хлопот, путаницы и огорчений было с тех пор. Печататься негде и Вам, и мне. Вот основная наша беда. Среди воплей бессмыслицы и суматохи, ежедневно голосащей на весь Божий мир и его позорящей своею скрипучей какофонией, нет места нашим достойным голосам, певучим и мудрым.

Хорошо, однако, что есть на свете Шайковичи, что есть какой-то благословенный чудак В. Ф. Марцинковский,¹ который помнит, что «lux in tenebris lucet»² и что тьма не объяла свет.

Видаюсь со скрипачом, профессором музыки Исаем Бармасом,³ который бежал из Германии после 37-и лет пребывания там. Это мой друг — с 1894-го года, когда он кончал Моск(овскую) Консерваторию, а я под его скрипку переводил поэмы Эдгара По. Он играл мне Баха, Бетховена, итальянцев 17-го века.⁴ Бывают же такие случаи!

А Германией явно овладело буйное помешательство. А тихие помешанные подписывают «пакты». Это напоминает офорт Гойи из серии «Los Caprichos» («Причуды»). Дьяволический индивидуум, с вампирными крыльями летучей мыши вместо ушей, тщательно пишет какой-то документ «Contra el bien general» («Против общего блага»)⁵. Весь круг должен совершиться.

Напишите мне о себе. Приветы Вам и доброй Валентине Петровне.

Птицы еще поют, и я тоже.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Марцинковский Владимир Филимонович (1884—1971) — видный деятель Русского студенческого движения в дореволюционной России; миссионер-проповедник. Окончил историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. С 1930 года — в Израиле, где и умер (в Хайфе). Шайкович сообщал о нем Бальмонту в письме от 7 мая 1933 года: «С большим наслаждением мы прослушали здесь несколько лекций миссионера В. Ф. Марцинковского. Вот поток живого золотого слова! Он, по-видимому, знает и любит Ваши стихи, ибо и в своих книгах, и на лекциях не раз Вас цитирует. Он вспоминает Ваши слова: „Одна есть в мире красота — любви, печали, отречения и добровольного мученья за нас распятого Христа“. На лекции одной я опять слышал, как Марцинковский сказал: „Не даром наш поэт Бальмонт говорит «Я в мир пришел, чтоб видеть солнце», — конечно, он говорит не о физическом, а о духовном Солнце“. Мне очень понравилось это толкование. В своей книге по-немецки „Готт-Эрleben ин Совет-Руссланд“ он цитирует Ваши стихи, которые были в начале революции выставлены на улицах Москвы и Петрограда для создания идеалистического настроения. Этот Марцинковский настоящий Христов апостол да еще и неистов, как апостол Павел. Как тут не верить в Свет жизни, когда между миллионами современных мертвецов все же горят такие неугасимые свечи! Упоминаются стихотворения Бальмонта «Одна есть в мире красота...» (1893) и «Я в этот мир пришел, чтоб видеть Солнце...» (1903), а также книга В. Марцинковского «Das Gott-Erlebnis in Sowjet-Russland» («Переживание Бога в Советской России»).

² Свет и во тьме светит (лат.). Ин. 1: 5.

³ Бармас Исая Григорьевич (1872—1946) — скрипач и педагог. Родился в Одессе. Учился в московской Консерватории, затем — в берлинской Королевской высшей школе музыки. В 1919 году создал в Берлине струнный квартет. Покинул Германию в 1933 году. Многолетний друг Бальмонта. Умер в Лондоне. Бальмонт посвятил Бармасу, «поэту скрипки», стихотворения: «Искусник» (Дни (Париж). 1926. 21 марта. № 960. С. 3) и «Алмазный ток» (Последние новости. 1934. 11 марта. № 4735. С. 4) — первое стихотворение цикла (из двух стихотворений) под названием «Чарования струн».

⁴ 28 мая 1933 года, посылая в «Последние новости» стихотворение, посвященное «Исаю Бармасу, чья скрипка звучит из страны в страну» («Едва возьмешь ты скрипку в руки...») и озаглавленное позднее «Алмазный ток» (см. предыдущее прим.), Бальмонт писал И. П. Демидову, одному из редакторов газеты: «...под звуки его юной скрипки я в 1894-м и 1895-м году переводил стихи Эдгара По. А теперь он бежал из Германии, где жил и работал полжизни. Он хотел с Вами познакомиться и зайдет к Вам в редакцию... (...) Приветуйте его, прошу, он очень потрясен событиями в Германии и тем, что разрушена его долгая там работа» (Hoover Institution. V. I. Nikolaevsky collection. Vox 646). Теми же словами Бальмонт писал о И. Бармase 10 января 1934 года болгарскому поэту Е. Попдимитрову. См.: *Попдимитров Е.* С Константином Бальмонтом (Неизданная книга о русском поэте в Болгарии) / Публ. М. Каназирской // Диаспора IV. Новые материалы. Париж; СПб., 2002. С. 300.

⁵ Бальмонт ошибается: описанный им офорт Гойи входит не в «Капричос», а в серию «Бедствия Войны» («Los desastres de la Guerra»), созданную между 1820 и 1830 годами (лист 71, согласно принятой нумерации).

43

Clamart. 1933. 26 июня. Ночь.

Милый, дорогой друг
Иван Степанович,

Получив Вашу открытку, я собирался пожурить Вас. Разве, если Вы сидите без денег, это достаточная причина не писать другу? Понимаю и вижу все Ваши чувства. Но ведь и несколько минут беседы есть целое богатство, для обоих говорящих. Пока собирался Вас журить, пришло Ваше письмо, такое радостное и ласковое,¹ и в нем добрый подарок.² Ну, спасибо сердечное Вам и доброй Валентине Петровне, что Вы — такие. Люди — не такие, как Вы. А от Вас радость двойная.

Как хорошо, если Вы в прозрачной Эстонии,³ я ее очень люблю и знал в ней счастье любви,⁴ и написал в ней «Только Любовь» и «Фейные Сказки», и многие стихи «Литургии Красоты», и переводил в Меррекуле и Силламегах *[sic!]* Шелли⁵ и Уитмана,⁶ и «Тюремную балладу» Уайльда.⁷ Море там божественное, утесы изумительные, леса, полные сказок.

Соловьи и у нас здесь есть, и еще поют. А день встречает и провожает черный дрозд.

Шлю Вам только что написанное «Цветение сна».⁸ Дошел ли «Тургенев как поэт»?⁹ И ничего от Вас не знаю о моем «Как возникает стих?»¹⁰

Счастья Вам обоим желаем мы оба. Солнца, песен, тихой и слышной музыки ласковых глаз.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Имеется в виду письмо Шайковича от 20 июня 1933 года.

² Вероятно, банковский чек (см. прим. 1 к п. 36).

³ В письме от 20 июня Шайкович сообщал, что собирается с семьей в Эстонию — «отдохнуть несколько дней и послушать соловья».

⁴ Бальмонт отдыхал в Эстонии в 1903 и 1905 годах (оба раза — вместе с женой Е. А. Андреевой-Бальмонт). Летом 1903 года он поселился в Меррекуле (Меррекуле), дачном поселке на берегу Финского залива, ныне не существующем (уничтожен в ходе боевых действий во время Второй мировой войны). Здесь Бальмонт написал большинство стихотворений, составивших сборник «Только Любовь» (М., 1903); одно из стихотворений этого сборника называется «Меррекуль» («Ветры тихие безмолвны...»). В августе 1905 года, вернувшись в Россию из путешествия в Мексику и США, Бальмонт провел конец лета и сентябрь в соседнем дачном поселке

Силламяги (Силламяэ), где готовил к печати книгу «Фейные сказки» (М.: Гриф, 1905), посвященную дочери Нине («солнечной Нинике»). Под посвящением указано: «Sillamäggi, Estl. 1905. Sept. 7».

⁵ Видимо, Бальмонт имеет в виду свою работу над произведениями Шелли для издательства «Знание», прежде всего — над трехтомником Полного собрания сочинений (1903. Т. 1; 1904. Т. 2; 1907. Т. 3). В том же издательстве была выпущена в 1904 году и «лирическая драма» Шелли «Освобожденный Прометей» в переводе Бальмонта.

⁶ Первые переводы Бальмонта из Уитмена появились в 1907 году: Перевал. 1907. № 3 (январь). С. 37—48. Отд. изд.: *Уитман У.* Побег травы / Пер. с англ. и предисловие К. Д. Бальмонта. М.: Скорпион, 1911.

⁷ Имеется в виду «Баллада Рэдингской тюрьмы», впервые изданная в 1904 году (М.: Скорпион) под названием «Тюремная баллада».

⁸ Стихотворение «Цветение сна» («Я видел сон...»); опубликовано: Последние новости. 1933. 1 июля. № 4483. С. 3.

⁹ «Тургенев как поэт. (К 50-летию со дня кончины)» — очерк Бальмонта (Последние новости. 1933. 15 июня. № 4467. С. 2; 22 июня. № 4474. С. 3). Более ранний очерк Бальмонта «Тургенев» был опубликован в журнале «Современные записки» (1921. № 4. С. 285—296; рубрика «Мысли о творчестве»).

¹⁰ См. прим. 14 к п. 40.

44

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1933. 8 августа.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Спасибо за светлое большое письмо.¹ Спасибо за братский подарок. Спасибо за то, что Вы есть и что Вы такой.

Дорогой Вашей матушке, ушедшей отсюда в насыщенности земными днями, да будут светлыми ее новые пути Там.²

Пишу сейчас кратко. Дни жестоко спутались. У дочери моей Мирры, родившей второго ребенка,³ сделалось заражение крови, и неизвестно, останется ли она жива. Елена совсем подавлена тревогой. Можно думать, однако, что молодость победит испытание.

Ваше письмо вошло вчера в мой день как дуновение из сада, как ветер лугов и полей. И одновременно получил ласковые строки от Лебега,⁴ которому сегодня посылаю Ваш отличный очерк обо мне⁵ (я писал Вам о нем в Эстонию⁶), и ласковое письмо от литовского друга, автора романа о Витовте Великом, Виенуолиса.⁷ Но Ваше письмо было наилучшее. Это, верно, оно навеяло мне вчера ликующую «Россыпь строк» (прилагаю).⁸ А когда я писал «Покой» (тоже прилагаю) — «Коса пропела легковозвонная...»,⁹ я в точности думал о Вас: лежал, курил, грустил, мечтал, спросил себя: «А косит ли сейчас Шайкович?» Был 2-й час ночи. Вы уже накопились досыта. А отзвук Вашей косы — через семь держав — мой стих.

Ваш

К. Бальмонт.

Р. С. Дорогой Валентине Петровне и Вам светлых дней.
До новых более подробных строк.

¹ Имеется в виду письмо Шайковича от 29 июля (копия не сохранилась). Ср. п. 45.

² О смерти своей матери Шайкович сообщил Бальмонту летом 1933 года из Ваммельсуу («Утрата для меня громадная» и т. п.). Мать И. С. Шайковича Милица (урожд. Миланович) скончалась на 77-м году жизни.

³ В июле 1933 года М. К. Бальмонт родила девочку Анну.

⁴ Лебег Филеас — французский поэт и романист, полиглот; знакомый и корреспондент Бальмонта (см. о нем прим. 5 к п. 7).

⁵ См. прим. 4 к п. 38.

⁶ Это письмо — открытка, «адресованная в Эстонию» (см. п. 45), — следует считать утерянным. «Очень сожалею, что Ваше письмо, адресованное в Эстонию, в котором Вы писали о моем очерке, — до меня не дошло» (Шайкович — Бальмонту, письмо от 1 сентября 1933 года).

⁷ Венуолис Антанас (наст. фамилия Жукаускас; 1882—1957) — литовский писатель. Бальмонт имеет в виду его роман «Перепутья» (1932) — о борьбе литовцев под водительством Великого князя литовского Витовта (ок. 1350—1430) против Тевтонского ордена. Письма Бальмонта к А. Венуолису-Жукаускасу за 1932—1937 годы опубликованы в кн.: Балтийский архив. Русская культура в Прибалтике. Вильнюс, 2005. Т. 9: Литература и печать. Свидетельства. Искусство. Философия, наука и образование. С. 73—89 (подг. текста, публ. и прим. К. Сакалавичюте). Осенью 1937 года Венуолис несколько раз навещал Бальмонта в Нуази-ле-Гран. «Он так трогательно-сердечно-ласково устремлен к Бальмонту», — писала о нем Е. К. Цветковская литовской актрисе Уне Байе (Бабицкайте-Грайчюнене) 14 ноября 1937 года (РГАЛИ. Ф. 57. Оп. 3. Ед. хр. 87. Л. 3).

⁸ Стихотворение Бальмонта, опубликованное в «Последних новостях» (1933. 15 авг. № 4528. С. 3).

⁹ Имеется в виду стихотворение «Покой» («Коса пропела легковозная...»). Опубликовано в составе цикла из трех стихотворений под общим названием «Сопричастие»: 1) «В светло-прозрачном»; 2) «Покой»; 3) «Сад предназначенных» (Последние новости. 1933. 6 авг. № 4519. С. 3).

45

Clamart. 1933. 17 августа

Дорогой, прекрасный друг
Иван Степанович,

Совсем неожиданно получил вчера Ваше письмо и так ему обрадовался в запутанных ужасах наших дней. Спасибо Вам, дорогой, заботник милый. Из этого письма Вашего, от 12-го авг(уста), вижу, что когда Вы его писали, Вы еще не получили мой ответ на Ваше письмо от 29-го июля,¹ который, верно, пришел в тот же день или на другой. Не знаю также, получили ли Вы адресованную в Эстонию, мою открытку о Вашем очерке для «Летописа», который мне очень понравился. Вы должны были также, позднее, получить № «России и Славянства» с тремя отличными Вашими песнопениями, в моей передаче,² и еще что-то в газетах.

Дочь наша поправляется немного. Заражение крови остановлено и устранено. Теперь начинается самое трудное. Надо взять ее из больницы и поместить куда-нибудь на отдых. Вся трагедия в том, что она полюбила недостойного человека. Ее муж ведет себя как последний негодяй, не помогает ей, не присылает денег на содержание детей.³ Все тяжести падают на меня и на Ел(ену) К(онстантиновну), а у нас самих еле-еле хватает, чтобы прокормиться. Вот уже почти два года, как мы под этим невыносимым гнетом, и чем все это кончится, трудно вообразить.

Один экземпляр Вашего очерка⁴ обо мне я послал Лебегу, с надписью от Вас и от меня, отклика еще не получил, он уезжал в Бретань на Друидический съезд.⁵ Другой pošлю Кульману, когда узнаю летний его адрес. Если можно, pošлите по экземпляру по адресам, которые прилагаю (там есть все, что мое и что касается меня, Ваш очерк будет ценным добавлением).

В следующих письмах я не однажды вернусь к Вашему очерку и Вашей дивной передаче моего «Гимна Огню»⁶ и «Завета Бытия».⁷ На днях напишу еще. Счастья желаю Вам и дорогой Валентине Петровне.

Сердцем Ваш

К. Бальмонт.

1. Bibliotheca Bodleiana, Oxford, England.

2. Taylor Institution Library, Oxford, England.

3. Bibliothèque de l'École des Langues Orientales Vivantes,
2, rue de Lille, Paris, France.
4. Institut des Études Slaves, 6, rue Michelet, Paris, France.⁸

¹ То есть п. 44.

² См. прим. 3 к п. 35.

³ Многие письма Бальмонта того времени содержат жалобы на мужа Мирры музыканта Г. Бойченко, не уделявшего внимания ни жене, ни детям.

⁴ Статья Шайковича о Бальмонте появилась в журнале «Летопис Матице српске» в начале 1934 года (см. прим. 4 к п. 38). В связи с этим — еще до появления журнальной публикации — Шайкович напечатал свою статью отдельной брошюрой (Нови Сад, 1933) под названием «Константин Бальмонт» и с указанием на титульном листе: «Прештампано (перепечатано. — *сербск.*) из „Летописа Матице Српске“». Статья сопровождалась переводом пяти стихотворений Бальмонта, выполненным Шайковичем (с. 13—19): «Химна огњу» («Гимн огню»), «Из вечери у ноћ» («Из вечера в ночь»), «Лов на сенке» («Я мечтою ловил уходящие тени...»), «По крај врела» («Зарождение ручья») и «Завет бића» («Завет бытия»). См. ниже прим. 6—8.

⁵ Орден Друидов, восходящий к эзотеризму и культам древних кельтских друидов, возник в Англии и других странах Европы и Северной Америки в XVIII веке (отдельные ложы существуют вплоть до настоящего времени). Одним из его ответвлений было возникшее в XX веке движение «друидизма» в Бретани; к числу его видных деятелей принадлежал и Лебег, наделенный в 1933 году титулом «Великого галльского друида». «Друидический съезд», о котором упоминает Бальмонт, — по-видимому, ежегодный (в первую неделю августа) литературно-музыкальный и театральный фестиваль в Уэльсе, призванный воскресить традиции средневековых бардов, древние кельтские обряды, их религиозно-мистическую символику и т. д. Откликаясь на это место в письме Бальмонта, Шайкович писал ему 16 сентября 1933 года: «Недавно в своем письме Вы, дорогой друг, упомянули, что Лебег уехал на Друидический съезд. Это очень заинтересовало Валентину Петровну, и она просит Вас при случае указать, что это за съезд был и где бы можно об нем что-нибудь почитать (также о кельтах и их культуре)». На эти вопросы Бальмонт никак не ответил.

⁶ «Гимн огню» — цикл из семи стихотворений, впервые опубликованный в альманахе «Северные цветы на 1901 год» (М.: Скорпион, 1901. С. 79—89). Вошло в сборник «Будем как Солнце». Шайкович перевел весь цикл полностью.

⁷ Стихотворение Бальмонта «Завет Бытия» («Я спросил у свободного ветра...») опубликовано в сборнике «Будем как Солнце» (М.: Скорпион, 1903. С. 46).

⁸ 1. Бодлеанская библиотека, Оксфорд, Англия. 2. Библиотека Тейлорского института, Оксфорд, Англия. 3. Библиотека Школы живых восточных языков, рю де Лиль, 2, Париж, Франция. 4. Институт славяноведения, рю Мишле, 6, Париж, Франция (*англ., фр.*).

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1933. 2 сентября.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Давно от Вас нет вестей, и я соскучился о Вас. Верно, Вы с Валентиной Петровной еще в деревне. Если так, это очень хорошо. Еще успеете намучиться в Хельсинках за долгую северную осень-зиму. Городская осень-зима это — горе-зло-счастье.

У нас — все те же злополучия и тревоги. Дочь нашу, медленно поправляющуюся после заражения крови, перевезли в Кламар, в квартиру опытной сестры милосердия, М. И. Гучковой.¹ Прекрасная женщина, кстати, — бывшая жена здравствующего, печальной известности, А. И. Гучкова, сыгравшего в 1917-м году достаточно неприглядную роль, впрочем, пожалуй, исторически неизбежную.² Думаю, однако, что если бы Николай II не отказался от престола, он, верно, погиб бы в борьбе, но судьбы России ныне были бы иными и большевицкие злодеи не восторжествовали бы.

Шлю Вам свои строки о Фете,³ которого Вы чувствуете и любите, как немногие. Хорошо бы это перевести на сербский язык.

Дорогой, дохните свежим духом. Наши приветы Вам и Валентине Петровне.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Мария Ильинична Гучкова (1873—1969). Однако у М. И. Гучковой Мирра Бальмонт пробыла недолго. «У нас ад кромешный, — сообщал Бальмонт 28 сентября 1933 года В. Ф. Зеелеру. — Мирре деваться некуда. Гучкова ее держать больше не может. Бедная Елена орошает свои щеки» (см.: *Бонгард-Левин Г. М. Письма и стихотворения К. Д. Бальмонта В. Ф. Зеелеру // Россия и проблемы европейской истории: Средневековые, Новое и Новейшее время. Сб. статей в честь чл.-корр. РАН Сергея Михайловича Каштанова. Ростов, 2003 [2004]. С. 270 (Сообщения Ростовского музея. Вып. 13)). Зеелер Владимир Феофилович (1874—1954) — адвокат, журналист; член конституционно-демократической партии; министр внутренних дел в правительстве А. И. Деникина. С 1920 года в эмиграции. Секретарь Союза русских писателей и журналистов в Париже. Активно поддерживал Бальмонта в последние годы жизни поэта.*

² Гучков Александр Иванович (1862—1936) — промышленник, общественно-политический деятель, основатель партии «Союз 17 Октября», председатель III Государственной Думы (1900—1911), занимал во Временном правительстве должность военного и морского министра.

³ Бальмонт отправил Шайковичу свой очерк «О поэзии Фета» (Последние новости. 1934. 29 июня. № 4845. С. 2). Перепечатан в кн.: *Бальмонт К. Где мой дом. Стихотворения, художественная проза, статьи, очерки, письма / Сост., автор предисловия и комм. В. Крейд. М., 1992. С. 392—396. Машинопись этого очерка в архиве Шайковича не обнаружена. «Ваши чудные строки о Фете, — отозвался Шайкович в письме к Бальмонту от 16 сентября, — исповедь, клад для русской литературы, и я от всей души желал бы видеть их скорее напечатанными по-русски». См. также прим. 1 и 2 к п. 48.*

47

Clamart. 1933. 6 сентября.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Я о Вас соскучился и уже дня 3—4 тому назад писал, а вчера получил письмо от Вас.¹ Друг, спасибо за ласку, спасибо за братскую заботу. Подарок Ваш отдал Елене,² и глаза у бедняжки засветились. Совсем извелась она.

Письмо Ваше не такое бодрое, как обычно. Видно, что город после деревни сразу налег, налег на Вас своей паутиной, своим гнетом. Но когда немножко привыкнете к этому предзимнему плену, к Вам начнут прилетать, воспоминательно, золотые пчелы и голубые бабочки летних мгновений — и запоете, и новые споете хорошие песни, а я, в уладу Вам и себе, перепою их по-русски. Люблю я Ваши песни.

Кульман куда-то пропал. Даже и Шмелеву не пишет. Лебег, пока, только поблагодарил за «отличный очерк». Но он что-н<и>б<удь> напишет мне или Вам. Опять пересматриваю Ваши строки обо мне. Неведомой ныне прямою и чистосердечием дышут <sic!> они. Вы указываете, умело и властно, «критикам» (и словечко же! распад крикливых чертовых кирпичиков!) их надлежащее место. Это, конечно, полезно, но мне жаль, что Вы о них говорите, ведь они — небытие, нежить, их нет. Лучшие места очерка, — прямо мое утешение, — это те, где Вы просто говорите, верным чувством, от себя. Прекрасно это место, где Вы говорите: «...особита птица... из неке чаробне скаске... птица јединствена... о којој нико не зна...»³ И в последних Ваших строках — шелест и шорох широких крыльев. Признательно вздыхаю и облегченно.

А «Химна Огњю»!⁴ Как мастерски Вы перебросили русский напев в сербский! Ведь ударения, звукопадение, звукоударность совсем разные в сербском и русском.

Однако же Ваши «потковице, потковице»⁵ — бегут, и Ваши «косе косозвонке, косе звонке» — косят, слышу звук косы! И «Завет биѣа»⁶ передано совсем своеобразно.

Шлю Вам «Зеленую птицу»⁷ и «Восьмистишия».⁸ Хотел бы быть с Вами и Валентиной Петровной там, на Севере. Я ведь неизлечимо северный!

Ваш

К. Бальмонт.

Р. С. И меня, и Ел(ену) К(онстантиновну) удивили Ваши слова о моей книге «В Раздвинутой Дали».⁹ Нам обоим помнится, что я посылал Вам ее из Капбретона. Я считаю ее одной из самых существенных моих книг.¹⁰

¹ Письмо от 1 сентября 1933 года из Хельсинки.

² См. прим. 1 к п. 36.

³ Особенная птица... из какой-то волшебной сказки... птица единственная... о которой никто не знает... (сербск.).

⁴ «Гимн огню» (сербск.). См. прим. 6 к п. 45.

⁵ Подковы, подковы (сербск.).

⁶ «Завет бытия» (сербск.). См. прим. 7 к п. 45.

⁷ Стихотворение Бальмонта. Опубликовано: Последние новости. 1933. 2 сент. № 4546. С. 3.

⁸ Шесть коротких стихотворений Бальмонта под общим заглавием «Восьмистишия» были опубликованы в «Последних новостях» (1933. 23 сент. № 4567. С. 3). «„Зеленая птица“ — это одна из тех сказочных, одно бальмонтское проявление, — откликнулся Шайкович на присланные стихи в письме от 16 сентября. — „Восьмистишия“ прелестны. Какая нежность и глубина. Какая свежесть и обновление! Дай Бог Вам, друг, побольше таких настроений и поэтических удач! Перед Вами — Вечный Источник».

⁹ Бальмонт К. В раздвинутой дали. Поэма о России. Белград, 1929 (Русская библиотека; № 11).

¹⁰ 1 сентября 1933 года Шайкович сообщал Бальмонту: «В Ваммель суу (sic!) живет мало известный поэт Вадим Гарднер. Он мне дал для прочтения Ваш сборник „В раздвинутой дали“. Очень интересная книга, и я сожалею, что не знал ее раньше, до написания очерка о Вас. Напишу в Белград, чтобы мне прислали этот интересный сборник». Гарднер Вадим Данилович (1880—1956) — поэт. Издал свой первый сборник в Петербурге в 1908 году. См.: Пахмусс Т. О поэзии Вадима Гарднера // Гарднер В. У Финского залива. Избр. лирика / Сост. Т. Пахмусс, Б. Хеллман. Хельсинки: Гранит, [1990]. С. 5—21.

48

Clamart. 1933. IX. 11.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Спешу тотчас откликнуться на только что полученное взволнованное письмо Ваше о Фете.¹ Разве может быть какой-либо разговор о задержке Вашей о нем статьи!² Конечно, нет. Мою заметку я послал Вам исключительно из желания поделиться с Вами маленькой моей исповедью. Что же до перевода каких-либо моих вещей на сербский язык, — я был бы рад видеть всего себя на сербском языке. Да ведь мало ли чего мы хотим. Что-н(и)б(удь) когда-н(и)б(удь) осуществится, — и за это спасибо Судьбе. С нетерпением буду ждать Вашего очерка о Фете. До новых скорых строк. Привет Вал(ентине) Петр(овне).

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Имеется в виду письмо от 8 сентября 1933 года, из которого, в частности, явствует, что Шайкович собирался перевести на сербский язык статью Бальмонта о Фете 1933 года и опубликовать ее в журнале «Летопис Матице српске».

² «Я Вам уже сообщал, — писал Шайкович Бальмонту 8 сентября, — что сам пишу об этом величайшем лирике для „Летописа“. Но моя статья имеет главным образом в виду сербского

читателя, ничего не знающего о Фете, для чего она должна быть более информативной. Ваша статья специальная, интимная — русского поэта для русских. Это Ваша исповедь, имеющая для русского читателя большое значение: серб, между тем, в ней мало поймет. (...) Как быть? Если Вы не согласны со мной, я свою работу забракую, а пушу Вашу. Есть еще выход: *после* моей статьи напечатать Вашу. Тогда читатель сербский будет уже подготовлен. Но тут опять вопрос, не жалко ли откладывать печатание Вашей статьи, которая русским так нужна? Статья Бальмонта о Фете в сербской печати не появилась. Неизвестна и статья Шайковича, упомянутая в настоящем письме. Однако в конце 1933 года Шайкович опубликовал в «Летописе» заметку под названием «Змај, Фет и Алфонс Кар» (кн. 338. № 4. С. 250), в которой соотнес строки стихотворения сербского поэта Йована Йовановича Змая (1833—1904) со схожими строками в одном из стихотворных набросков Фета, опубликованном посмертно («Я с лучшей стороны смотреть на все готов...»). Карр Альфонс (Karr; 1808—1890) — известный французский писатель и журналист.

49

Кламар. 1933. 26 сентября.

Милый друг

Иван Степанович,

Спасибо Вам и дорогой Валентине Петровне за тонкое чувствование. Но «доставаться» Вам было совершенно не за что. Конечно, я огорчился, но не Вы меня огорчили, а недоуменно огорчился я на такую степень спутанности всего, решительно всего в нашей жизни, что каждое движение души, даже самое доброе и светлое, может у нас вызвать какое-н(и)б(удь) осложнение. И понятно. Ведь все русла наши или засорены или их и вовсе уж нет. Все стало ущербом и невозможностью. Ну вот, тяжкий для меня пример. Белич¹ хороший человек. Брянский² хороший человек. Три мои книги, а с сербскими песнями и четыре, валяются в белградском издательстве, а чуть я Беличу напишу, он молчит как немой; чуть Брянскому напишу, он живо пишет мне, что новых книг они сейчас не издают — и в это же время выпускает одну за другой не только книги Шмелева³ и Мережковского,⁴ но даже Северянина⁵ и Лукаша.⁶ Напиши я ему, что он лжец, ведь это слабое утешение. А дочь моя на грани гибели. А Елена — тень чахлая. А я измучен вконец.

Ну, прочь все это. Копия моего очерка о Фете сделана для Вас. Очерк под сукном в «Посл(едних) Нов(остях)». Напечатают ли, не знаю.⁷ Но я жив, мечта светит, мысль поет, стих льется.

Шлю Вам новые мои «Осенние цветы»⁸ и вот сейчас написанные «Забавы шипиморы».⁹ Осень всегда меня вдохновляет.

Всего Вам светлого и доброго.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Об А. И. Беличе и его личном знакомстве с Бальмонтом см. п. 1 (прим. 12), прим. 6 к п. 4, и др.

² О В. Д. Брянском, возглавлявшем Издательскую комиссию при Русском культурном комитете в Белграде, см. прим. 1 к п. 19.

³ В серии «Русская библиотека» была издана кн.: Шмелев И. Родное. Про нашу Россию. Белград, 1931. Позднее в той же серии была выпущена его книга «Лето Господне. Праздники» (1933). Среди других книг Шмелева, изданных в Белграде: «Въезд в Париж. Рассказы о России зарубежной» (1929).

⁴ Мережковский Д. С. Тайна Запада. Атлантида — Европа. Белград, 1930. В 1932—1934 годах «Русская библиотека» издала три тома его книги-исследования «Иисус Неизвестный». Кроме того, в 1929 году в Белграде была издана в двух томах его книга «Наполеон» (Т. 1: Наполеон — человек; Т. 2: Жизнь Наполеона).

⁵ Имеется в виду кн.: Северянин И. Классические розы. Стихи 1922—1930. Белград, 1930.

* Шмелева-то всегда нужно печатать!

⁶ Лукаш Иван Созонтович (1892—1940) — прозаик, журналист. См. о нем: Писатели русского зарубежья. М., 1997. С. 249—251 (статья Т. Г. Петровой). В серии «Русская библиотека» была издана его кн. «Сны Петра. Трилогия в рассказах» (Белград, 1931).

⁷ Очерк Бальмонта о Фете (1933) появился в «Последних новостях» в июне 1934 года (см. прим. 3 к п. 46).

⁸ Название цикла, состоящего из двух стихотворений: 1) «Круговорот»; 2) «Весна и осень». Опубликовано отдельно: Весна и осень («Веленье ли часа, влюбленье ли были...») // Последние новости. 1933. 12 окт. № 4586. С. 3; Круговорот («Скользит после весны веселой...») // Там же. 30 нояб. № 4635. С. 3. В печатном тексте под стихотворением «Весна и осень» — дата: «1933. 22 сентября». То же — в машинописном экземпляре, отправленном И. С. Шмелеву (см.: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. Письма и стихотворения 1926—1936 / Сост., вступ. статья, подг. текстов и комм. К. М. Азадовского, Г. М. Бонгард-Левина. М., 2005. С. 305). В архиве Шайковича цикл «Осенние цветы» отсутствует. Другой цикл (из двух стихотворений) под названием «Осенние цветы» опубликован в «Последних новостях» (1936. 16 авг. № 5623. С. 4; первое стихотворение: «Осень брошенная», второе (с посвящением И. С. Шмелеву) — «Ночной мотылек»).

⁹ Впервые опубликовано: Последние новости. 1934. 21 окт. № 4959. С. 4. В экземпляре, сохранившемся в архиве И. С. Шмелева, под стихотворением — дата: «1933. 26 сентября» (см.: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. С. 306).

50

Clamart. 1933. 17 окт<ября>.

Дорогой

Иван Степанович,

Давно нет от Вас вести. Здоровы ли Вы и все ли у Вас благополучно? У нас все то же, т. е. очень плохо.

Шлю Вам несколько страниц из письма ко мне Лидии Львовны Пименовой-Нобль. Думаю, что Вам приятно будет их прочесть. Возвращать не нужно.¹

Шлю также, из последних моих, «Серая осень»,² «Незаходящее»,³ «В смертную ночь».⁴ Из них мое любимое — последнее.

Я очень рад, что Вы так любите мои «Горные Вершины».⁵ Я ведь высказывался себе перед собой, когда писал эту книгу. Она произвела сильное впечатление и была указана как вспомогательное пособие профессорами Истории Литературы в русских Университетах и на Женских Высших Курсах. Как бы хотелось переиздать ее, присоединивши 2-й том: — «Лики Женщины в поэзии и жизни»,⁶ «Любовь и Смерть в мировой литературе»,⁷ «Русский язык»,⁸ «Драмы Калидасы»,⁹ «Шота Руставели как певец любви»¹⁰ и многое другое. Верно, мне нужно умереть, чтобы все это было издано.¹¹ К мертвым почтительны. Их не боятся, и они не тревожат. На них даже отлично можно ездить, как на теневых конях колдовских сказок, — до редакции без денег, а из редакции с деньгами. Превеселое занятие для мародеров.

Всего доброго Вам и Валентине Петровне.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Это письмо Л. Л. Пименовой-Нобль к Бальмонту неизвестно.

² Стихотворение Бальмонта. Опубликовано: Последние новости. 1933. 2 нояб. № 4607. С. 2.

³ Стихотворение Бальмонта. Публикация не выявлена (в архиве Шайковича отсутствует).

⁴ Стихотворение Бальмонта. Опубликовано: Последние новости. 1933. 19 нояб. № 4624. С. 4.

⁵ См. прим. 4 к п. 31.

⁶ Название лекции Бальмонта, с которой он многократно выступал в 1915—1917 годы во время своих гастрольных поездок по России и позднее во Франции. «Если Ваше суровое сердце (суровое ли?) захочет быть ко мне добрым, — писал Бальмонт своей парижской знакомой А. В. Гольштейн 30 ноября 1920 года, — прослушайте завтра „Лики Женщины“. Сколько мне

известно, ни один мужчина и ни в какой литературе не говорил о Женском Лике таких слов» (Rare Book and Manuscript Library (Columbia University). The Bakhmeteff Archive. Alexandra V. Gol'stein Papers. Box 1).

⁷ Лекция Бальмонта (другое название «Любовь и смерть в мировой поэзии»), стоявшая — наряду с «Лицами женщины» — в программе его публичных выступлений в разных городах России в 1915—1917 годах. В декабре 1922 — январе 1923 года Бальмонт читал эту лекцию («L'Amour et la Mort»), а также «Лики женщины» («Images de Femme»), в Сорбонне на французском языке (см. письмо Бальмонта к жене от 25 ноября 1922 года: *Андреева-Бальмонт Е. А. Воспоминания* / Под общ. ред. А. Л. Паниной. М., 1997. С. 523).

⁸ Очерк Бальмонта «Русский язык (Воля как основа творчества)» был впервые опубликован в парижском журнале «Современные записки» (1924. № 19. С. 206—233); неоднократно перепечатывался.

⁹ Имеются в виду лекции и очерки о Калидасе, которые Бальмонт написал в России в 1915—1920 годы. Впоследствии Н. К. Бруни-Бальмонт передала их в Индию (см.: *Бонгард-Левин Г. Калидаса и его судьба в России // Ашвагхоша. Жизнь Будды. Калидаса. Драмы* / Пер. К. Бальмонта; автор введения, вступ. статьи и очерков Г. Бонгард-Левин. М., 1990. С. 297).

¹⁰ Первоначально — лекция (другие названия — «Крестоносец любви Шота Руставели»; «Крестоносец Любви Шота Руставели, певец Тамар»), использованная Бальмонтом в предисловии к кн.: *Руставели Ш. Носящий барсову шкуру. Грузинская поэма XII в.* / Пер. К. Бальмонта. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1917. С. 5—7; а также в статьях «Руставели» и «Великие итальянцы и Руставели» (Там же. С. 11—23).

¹¹ Этот замысел Бальмонта не осуществился.

51

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1933. 30 окт<ября>.

Милый друг Иван Степанович,

Третьего дня мы погоревали с Еленой Конст<антиновной>, читая печальное Ваше письмо. Жалели Вас, жалели дорогую спутницу Ваших дней, часто таких трудных. Вчера, засыпая после радостного дня работы (пишу об одной замечательной книге, пошлю Вам копию, когда кончу),¹ я сказал себе: «И. С. Шайкович затосковал, как это бывает со мной, — как раз накануне перелома Судьбы к лучшему». Сегодня рано утром звонок, «Facteur!»² — почтарь, письмо новое от Вас, с братским даром, превратившим убожество нашего скудного дня в праздник. Спасибо Вам, заботник. Спасибо дорогой Валентине Петровне.

Однако же, несмотря на передышку, положение Ваше остается очень тяжелым. Что же это делают с Вами Ваши родичи? Задерживать жалованье! И кому же? Консулу, представителю страны! И где же находящемуся? В чужой стране! Но это что-то напоминающее русские нравы времен Гоголя. Хуже. У городничего был легкий способ *самовознаграждения*: купцы и просители. Этого безошибочного способа Вы совершенно лишены. Плохо, плохо. Счастливые городничие!

Нехорошо и у нас. Но мне хочется скорее заставить Вас, если можно, улыбнуться и не печалиться. Улыбнуться на беду, это полпобеды над бедой.

Показал я отрывок из летнего Вашего письма, о фон Пихлау <sic!>³ одной дорогой мне женщине, уроженке Эстонии.⁴ Она знает восхитившую Вас, а через Вас — меня, вечно-молодую старицу. Это ее двоюродная тетюшка.

Шлю Вам «Воскуряющиеся»⁵ и «Разум».⁶

Радуюсь, что Лебег, наконец, писал Вам.

Ел<ена> К<онстантиновна> шлет приветы Вам и Вал<ентине> Петр<овне>. А я хотел бы, хоть во сне, превратиться в птицу и прилететь к Вам на часок. Пропел бы песню.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Речь идет, видимо, о книге мореплавателя и писателя В. М. Головнина (1776—1831) «Записки флота капитана Головнина о приключении его в плену у японцев в 1811, 1812 и 1813 годах. С приобщением замечаний его о японском государстве и народе» (Ч. 1—3. СПб., 1816). Бальмонт посвятил этой книге отдельный очерк, озаглавленный «Книга прозорливца». В конце 1933 — начале 1934 года он пытался опубликовать его в «Последних новостях», затем в «Современных записках». «Книга Головнина, — писал он В. В. Рудневу, соредактору «Современных записок», — (...) являет из себя замечательный исторический документ, мало кому из русских известный...» («Современные записки» (Париж, 1920—1940). Из архива редакции / Под ред. О. Коростелева и М. Шрубы. М., 2012. Т. 2. С. 159). См. также письмо Бальмонта к И. С. Шмелеву от 28 декабря 1933 года, в котором поэт называет книгу Головнина «замечательной» (Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. С. 319). Однако все попытки Бальмонта опубликовать свой очерк оказались безрезультатными; текст очерка затерялся и до настоящего времени не обнаружен (отсутствует также и в архиве Шайковича).

² Почтальон (*фр.*).

³ «Провели мы несколько недель в имении, принадлежавшем раньше графине Пилар фон Пилхау (...) В этом имении почти 400 лет жили Мантейфели, Коцебу и прочая родня. В 1905 году дворец сожгли „освободители народа“, уничтожили библиотеку и картинную галерею, прочие ценности, вымостили дорогу на протяжении больше километра мейсенским фарфором. Дом потом был восстановлен, но после войны и революции эстонцы все отняли, не оставив ничего бывшим владельцам. Теперь старая графиня, 85 лет, с двумя дочерьми наняла у правительства бывший свой дом и тут содержит пансион, чтобы этим жить. Вот мужество! Я был поражен невиданной мною доселе стойкостью душевной старой графини, которая не утратила желание жить и интерес ко всем проявлениям жизни. Какая умница она. Как она умеет красиво говорить и бесподобно слушать» (цитируется по черновому наброску, сделанному карандашом; машинописная копия в архиве Шайковича не сохранилась). Имеется в виду Александра (Александра-Матильда) Павловна Пилар (Пиллар) фон Пильхау (урожд. Коцебу; 1849—1943), вдова генерала Ф. К. фон Пильхау (1848—1911). Отец — варшавский генерал-губернатор; мать — графиня Мантейфель. Умерла в Германии. Имение, о котором идет речь, находилось на севере Эстонии и называлось Равила (волость Коце).

⁴ Имеется в виду княжна Дагмара Эрнестовна Шаховская (урожд. фон Лилиенфельд; 1893—1967), одна из «жен» Бальмонта, мать их общих детей Георгия и Светланы.

⁵ Стихотворение «Воскрягающие» («Когда весною...») опубликовано в парижском журнале «Современные записки» (1934. № 54. С. 187; дата под стихотворением: «1933. 15 октября»).

⁶ Опубликовано: Последние новости. 1934. 28 янв. № 4694. С. 4.

52

Clamart. 1933. XI. 15.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Все Ваши чувства — мои чувства. Песню пропеть ятаганом было бы блистательно хорошо.¹ И безумия тут нет. Это, кажется, единственный сейчас оставшийся способ хотя на мгновение пробудить сознание в отупевших сонных сердцах огрубевшего человечества. Но поэту ли братья за ятаган? Пожалуй, Вы им не так бы победно взмахнули, как владеете звонко поющей косой.²

То, что Вы говорите о хищниках и цензуре, прискорбно до умопомрачительности. Но ведь Чума и Моровая Проказа, пред своею погибелью, неизбежно должны развернуть напоказ всю погибельную свою мощь. Это мы сейчас и видим. Дай нам Отец Небесный сил и мужества, и возможности продержаться, не умирая, еще немного в крепости нашего Светлого Отъединения. Если даст, — дождемся чудесного дня.

Все юбилеи — похороны. Каждый юбиляр — мертвец. И Вы хотите, чтобы новый позолоченный cadaver,³ роняющий, в *danse macabre*,⁴ фальшивенькие словечки новопреставленного статского советника, стал живым и мудрым? Неисполнимо. Ну и пусть.⁵ Не лучше ли звонкая песня одинокой птицы, одино(ко)го путника? В этом больше красоты и истинного богатства.

Шлю Вам «Реянье»⁶ и «Кукушкин сапожок».⁷

Спасибо за осребренного по-сербски моего юного «Лебедя».⁸ Сербская полногласность, иная, чем русская, но с нею параллельная, поет здесь лебедем, воздымая белые лебяжьи перья.

Дорогой Валентине Петровне и Вам, милый, хороший друг, от обоих нас приветы.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Отвечая 10 ноября 1933 года на письмо Бальмонта, Шайкович писал: «Вам припомнились русские нравы времен Гоголя, а я думаю, что то время по сравнению с нашим было прекрасно. Мне опять скорее кажется все похоже на то время, о котором писал Щедрин 73-го года: „Хищник — истинный представитель нашего времени“. Да, „торжество хищника“, проникающего всюду. Разве хищники могут вывести запутавшееся человечество к свету. Уж все и всюду надоело. Надоела ложь и — признаюсь Вам — в моей крови в последнее время очень заговорили предки мои, мой прадед гайдук Станое Главаш. Не пером, а ятаганом песенку бы хотел я теперь начертить... Помните, как я (в) 1927 году статьями своими в „Политике“ прекратил агитацию в пользу признания большевиков. Теперь „хищники“ снова закусили удила. Недавно я послал статью в ту же „Политику“, но *цензура* не пропустила! А там я просто представил доказательства о злонамерении большевиков. И цензура, государственный орган, запрещает статью! Что скажете?» (Приводится фраза из книги Салтыкова-Щедрина «Дневник провинциала в Петербурге» (1872); см.: *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собр. соч.: В 20 т. М., 1970. Т. 10. С. 551); Главаш Станое Стаматович (1763—1815) — гайдук, воевода, сербский национальный герой (см. также прим. 7 к п. 17). Мать Шайковича, по семейному преданию, принадлежала к потомству Главаша).

² Обыгрывается тема «косы», звучавшая в стихотворении «Ветер» («Коса пропела легкозвонная...»); см. прим. 7 к п. 17 и прим. 9 к п. 44.

³ Cadaver (*фр.* cadavre) — труп.

⁴ Танец, исполняемый мертвецами; нечто мрачное, жуткое (*фр.*).

⁵ Этот пассаж письма, проникнутый трудно скрываемым раздражением, был вызван упоминанием Шайковича (в письме от 10 ноября) о Нобелевской премии Бунина. «Всех нас это радует как знак внимания и признания к русскому. Но все недовольны выбором: разве, спрашивают мои знакомые, Бунин больше Шмелева, Бальмонта, Зайцева?» Будучи на месте Бунина, писал Шайкович, он разделил бы эту премию с Бальмонтом. И далее восклицал: «О если бы Бог умудрил Бунина! Какая это была бы мудрость! Куда бы он вознес русский дух!»

⁶ Стихотворение Бальмонта, посланное Шайковичу в рукописи. Опубликовано в «Последних новостях» (1934. 28 янв. № 4694. С. 4).

⁷ Стихотворение, также посланное в рукописи (ср. п. 62). Опубликовано: Последние новости. 1934. 12 июня. № 4858. С. 3.

⁸ Ранее стихотворение Бальмонта («Заводь спит, молчит вода зеркальная...»). Впервые: *Бальмонт К.* В безбрежности. М.: Т-во скоропечатни А. А. Левенсон, 1895. С. 23—24. «Посылаю Вам перевод Вашего „Лебедя“, — писал Шайкович Бальмонту 10 ноября. — Не знаю, как Вам понравится, но я нарочно переводил без рифмы. Уж очень жалко было перекручивать Ваши слова — чудесные слова. Я дал что мог». Вежливо-сдержанный отзыв Бальмонта в этом письме был, видимо, правильно воспринят Шайковичем, который, насколько можно понять из дальнейшей переписки, воздержался от публикации своего нерифмованного перевода.

Clamart. 1933. 3 декабря. Ночь.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Мне радостно было читать Ваше письмо, полное бодрости и ласковости. Спасибо Вам также, большое, за братский дар.¹ Этот знак Вашей заботливости обычно приходит тогда, когда, в полной стесненности, я чувствую, что Судьба совсем меня бросила, забыла. И вот нет, оказывается, не забыла и не бросила. И в сердце станет так хорошо и светло.

Пожалуйста, сообщите мне адрес, а также имя и отчество проф(ессора) Шульца. Мне хочется послать ему какую-нибудь книгу мою.

О нападении на Вас и Кульмана в «*Slavische Rundschau*»² я сообщу Кульману, и он, надо думать, сделает что-нибудь соответственное. Но, в общем, что можем мы, зарубежные русские, сделать соответственное! Для моей передачи «Слова о полку Игореве» даже издателя не нашлось никакого до сих пор.

Что открыл или что напутал касательно «Слова» плут Ляцкий, хотел бы знать в точности, так как мне интересно все, что имеет какое-нибудь отношение к нашему лучшему памятнику.³ Но, зная человека,⁴ полагаю, что здесь лишь произвольное путляканье и какой-нибудь безвкусный и недобросовестный выверт.

У нас настала лютая зима. Смотрю в окно на обледенелые сады, на замерзший пруд. Два черные дрозда растерянно прыгают по льду, ударяют его желтым своим быстрым клювом. Толку нет. Перелетают под окна, смотрят, как нищенки. Я им рассыпаю крошки и кусочки белого хлеба. На подоконники не взлетают, однако. Это — место пиршества воробьев. Я им с вечера насыпаю угощение. Часов в 5—6 утра они будят меня своей возней. Хорошо усталым сердцем слушать, как они щебечут и поскрипывают. Славные пичуги. Есть у каждой клюв, но никогда друг друга в глаз не ударят. Уважают глаз соседа.

Шлю Вам «Две боярыни»⁵ и «Пчелу».⁶

Сердечный привет наш Вам, милый друг, и дорогой Валентине Петровне.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ См. прим. 1 к п. 36.

² Имеется в виду резко критическая рецензия Романа Якобсона в пражском славистическом журнале «*Slavische Rundschau*» (1931. № 8. S. 617—618) на изданный Шайковичем в 1930 году перевод «Слова о полку Игореве» (см. прим. 1 и 3 к п. 7). С опозданием узнав о появлении этой рецензии, Шайкович воспринял ее крайне болезненно, немедленно усмотрел в ней политический подтекст, а ее автора причислил к «большевицким агентам». «Только на днях, — писал Шайкович Бальмонту 26 ноября 1933 года, — удалось мне прочитать „критику“ некоего Романа Якобсона на мой перевод „Слова“ [...] Читая, я сладко смеялся: видно, мои слова попали кому следует не в бровь, а в глаз! Шипит геппевский агент, как пригвожденный змееныш. Из-за меня он укусил и почтенного Николая Карловича Кульмана. Как Кульман («критик» его не называет прямо, но подразумевается) осмелился хвалить Шайковича! Здешний славист проф(ессор) Микола сказал мне, что Якобсон еврей, „но очень талантливый молодой ученый“ (видно, что «талантливый»!), живет в Праге, будто беженец, но служит в большевицком торговом представительстве. Не удивительно, что „торгпред“ шипит. Но вопрос: что такое *Slavische Rundschau*, раз печатает подобные коммунистические „утробизвержения“? Хотелось бы мне знать, найдется ли честный русский ученый, который ответит плюгавому „торгпреду“ и заступится как следует за меня и Николая Карловича. По-моему, это вопрос русской чести. Я знаю, не заступись я за русскую правду, меня бы этот литературный хулиган не коснулся, а *Sl(avische) Rundschau*, может быть, и похвалил бы. Не говорю это (потому), что мне похвала нужна, но чтобы подчеркнуть безобразие большевицких агентов. Молчание русских ученых будет пахнуть согласием с большевицкой гадостью». Упоминается Йозепп Юлиус Миккола (Mikkola; 1886—1946), профессор славянской филологии в Гельсингфорском университете.

³ «Кстати, в Белграде на днях, — продолжал Шайкович в том же письме, — читал лекцию о „Слове“ профессор Ляцкий. Судя по газетным сообщениям, он „документально доказал“, что „Слово“ не „монолитное“ литературное произведение, а „составлено из отрывков многих эпических песней (sic!)“, посвященных разным князьям XII и XI веков“! Кроме этого, г. Ляцкий обрадовал науку открытием „ритмовки — ключа ритмовки“ в бессмертном „Слове“. Опять, на верно, горе Бальмонту и Шайковичу, не знающим этого „ключа“ и не угадавшим „настоящего“ ритма „Слова“! И после этого нужны будут еще 100 лет, чтобы кто-нибудь заступился за нашу правоту!». Е. А. Ляцкий (1868—1942), в то время — профессор Пражского университета, опубликовал в Праге в 1934 году монографию, посвященную «Слову», которую Н. К. Кульман, ее рецензент, определил следующим образом: «...Скорее роман, многие страницы которого читаются с большим интересом, чем убеждающее научное исследование» (Современные записки. 1934. № 56. С. 435). Научную оценку труда Ляцкого см.: Энциклопедия «Слова о полку Игореве». СПб., 1995. Т. 3: К—О. С. 190—192 (автор — Р. П. Дмитриева). Ср. также прим. 2 к п. 31.

⁴ Бальмонт был лично знаком с Ляцким: в 1924 году он издал в пражском издательстве «Пламя», которое возглавлял Ляцкий, свой прозаический сборник «Где мой дом» и сборник стихотворений «Мой — Ей. Россия». Судя по письмам Бальмонта к Ляцкому, их отношения

в 1920-е годы были равными и взаимно уважительными. См.: Олонова Е. «Вы знаете, что во имя Врхлицкого я изучил чешский язык...»: (Письма К. Д. Бальмонта Е. А. Ляцкому 1920—1929 гг.) // Славяноведение. 1997. № 4. С. 77—103. Ср. также одобрительный отзыв Бальмонта о Ляцком в п. 59.

⁵ Стихотворение Бальмонта, опубликованное в «Последних новостях» (1933. 7 дек. № 4642. С. 3).

⁶ Стихотворение Бальмонта (Последние новости. 1934. 1 янв. № 4667. С. 2).

54

Clamart. 1933. 18 дек(абр)я. Ночь.

Дорогой друг мой
Иван Степанович,

Так я один сейчас, как может быть человек один. Но мысли ткутся, стихи поются. Не нужно, значит, роптать на Судьбу. Если я брошен ею в пустыне, — и пусть студено в ней, — моя пустыня вся в обрамлении звезд.

Посылаю Вам капбретонские, до сих пор не напечатанные, «Предсвяточное»¹ и «Полю Сэльверу»,² и новый стих, «Лунные».³ На днях пошлю еще много стихов.

Хотя мы православные и наши Святки с нашим Новым Годом еще довольно далеко, шлю Вам и дорогой Валентине Петровне наши пожелания светлых Святков и счастливого Нового Года. Мы, русские, дважды их празднуем. Это — единственное, в чем мы богаче европейских туземцев, сих благополучных людоедов.

Давно нет вести от Вас. Жду письма и стихов.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Публикация этого стихотворения не выявлена. В архиве Шайковича сохранилась машинопись. Подзаголовок (в скобках): «Капбретон. 1930. 18 декабря».

² Стихотворение, озаглавленное «Английскому поэту и романисту Полю Сэльверу», не публиковалось. В архиве Шайковича сохранилась авторизованная машинопись (без даты) с эпиграфом из Ибсена и авторским примечанием: «Поль Сэльвер, современный английский поэт, романист и переводчик славянских поэтов. Он написал блестяще интересный роман *Private Life*, Частная жизнь. Он напечатал также несколько превосходных книг о чешской литературе и о русской поэзии. Последнюю свою книгу о чешской литературе он посвятил мне». «Последняя книга» — «An Anthology of Czechoslovak Literature» (London, 1929), о которой Бальмонт писал в очерке «Англичанин о чехах и русских. *Поль Сэльвер*» (Россия и славянство. 1929. 16 фев. № 12. С. 3). Пол Перси Сельвер (Selver; 1888—1970), английский славист и переводчик славянских авторов, вступил в переписку с Бальмонтом в середине 1920-х годов и, как сообщает последний, «заставил русского поэта изучить чешскую поэзию. Слава этому англичанину» (Россия и славянство. 1929. 16 фев. № 12. С. 3).

³ Опубликовано: Последние новости. 1935. 17 фев. № 5078. С. 4 (дата: «1933. 13 декабря»). В феврале 1935 года, посылая Шайковичу газетную вырезку с публикацией этого стихотворения, Бальмонт сделал сверху листа приписку (карандашом): «Привет. Спасибо. Пишу вдогонку этой газете. Перевод Ваш „Полтавы“ — дивный. К. Б(альмонт)».

55

Clamart, Seine.
60, rue Cécile Dinant.
1934. 22 янв(ар)я.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Спасибо сердечное Вам за добрый подарок и за привет, с укрытою снегом елкой. Но буду ждать, когда Вы отдохнете и от Святочной—Новогодней сутолоки, и от юго-славянской выставки, о которой мы оба хотели бы знать подробности, а

если есть cartes postales, изображающие образцы югославянских изделий, нам очень нравящихся, хотелось бы несколько посталек¹ получить.

По сумасшедшему ускорению разных примет, вспыхивающих и в Азии, и в сатанинском СССР, и в Америке, и по всей Европе, и в этой проворовавшейся официальной Франции, кажется несомненным, что уже к весне должны разразиться человеческие циклоны. Дай Бог, чтоб хоть часть свиных стад Дьявола потопла!

Наши приветы Вам и дорогой Валентине Петровне. Шлю Вам «Небесную кудель»² и «В тысячелетиях».³

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Посталька — почтовая карточка (*фр.* — *carte postale*).

² Стихотворение Бальмонта, опубликованное в «Последних новостях» (1934. 18 янв. № 4684. С. 3). Дата под публикацией: «1933. 10 декабря».

³ Стихотворение Бальмонта. Опубликовано: Последние новости. 1934. 14 янв. № 4680. С. 4.

56

Clamart. 1934. 12 февраля. Ночь.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Давно так не было, чтобы, получив от Вас письмо, я столько дней медлил с ответом. Но мы здесь пережили, объятые душевной горячкой, дни, напомнившие мне февральские дни Петербурга и мартовские дни Москвы 1917-го года. Сейчас мнимое затишье. Однако завтра — сутки общей стачки.¹ Через 4 дня гнусная Палата Депутатов, этих лживых содержанцев, расстреливавших толпу, снова откроется. Этот гад должен прекратить свое существование. Если Палата не будет распущена, Революция вспыхнет неизбежно.

Как тяжело жить среди народа, который более не уважаешь.

13 февраля.

Глупый, пустой народ современные парижане. Они все еще не видят, что их своекорыстие и потакательство Дьяволам, поработившим Россию, накинёт, уже накунуло на их собственную шею мертвую петлю аркана. Безобразные капиталисты, с одной стороны, безобразные социалисты и коммунисты, с другой, — трудно решить, кто отвратительнее. И они пожирают всю Европу и всю Америку, как соны насекомых труп выброшенного бурей на морской берег раздувшегося кита.

Спасибо Вам за присыл чудесных изображений чудеснейших югославянских кружев.² И мы, и наши знакомые, мы упиваемся этой тонкостью, изяществом, разнообразием, свежестью сочетаний и верностью лучшим старинным заветам. В этих кружевах поют снежинки, иней, морозные узоры зимнего окна, морские медузы, церковные стекла, линии лабиринта, утонченность паутины, сто весен, бесконечность цветущих трав. Да, народ, умеющий так петь красотой безмолвной музыки, носит на себе печать Звездного Зодчего.

Вам и неутомимой Валентине Петровне честь и слава!

Ваш

К. Бальмонт.

P. S. Юный журнальчик³ мил. Буду рад там видеть Ваши стихи в моей передаче.⁴ Даже «Посл(едние) Нов(ости)» раскачались на похвалу ему. Прилагаю.⁵

Шлю «Павлина».⁶ Шульцу пошлю «Северное Сияние».⁷

¹ В феврале 1934 года во Франции разразился острый политический кризис. В ночь на 7 февраля в Париже начались беспорядки (столкновения между представителями крайне левых и крайне правых партий), что привело к отставке кабинета социалиста Э. Даладье и созданию консервативного правительства «национального единства» во главе с Г. Думергом.

² См.: *Це-Це*. Югославская кустарная выставка в Гельсингфорсе // Журнал Содружества. 1934. № 1 (13). С. 34—35. «Я в середине декабря устраивал в Хельсинках Выставку югославских народных рукоделий, — сообщал Шайкович в письме к Бальмонту от 21 января 1934 года. — Хотя и совпало это с предпраздничными днями, полными рождественской суеты, среди кричащей рекламы магазинов и разных базаров — выставка наша привлекла всеобщее внимание. Вся солнечная, горящая цветами южных полей, полна изящного вкуса, нерукотворно-тонка по исполнению работ, — художественна до совершенства — наша выставка упоила застылых, уравновешенных северян. Красота развернулась как Божественный алтарь, и люди, буквально ошеломленные, кланялись перед ней *(sic!)*. Многие приходили чуть не ежедневно с каким-то священным чувством. Как радостно было видеть это и знать — в людях живет нетленный огонь. Он же последнее человеческое спасение. Недаром русский гений сказал: „Красота мир спасет“. Выставка была под покровительством супруги президента Республики *г(оспо)жи* Елен Свинхуфуд. Она сама присутствовала при открытии и потом полтора часа любовалась красотой. При открытии сперва говорил я по-фински, затем министр Ютила, писательница Майла Талвио-Миккола и проф(ессор) Мансика. Я напомнил, что 100 лет тому назад великий поэт Рунеберг впервые принес известие о сербах и южных славянах, подав шведам и финнам свой прекрасный перевод сербских народных песней *(sic!)*. Судьбе было угодно, чтобы спустя 100 лет югославыне опять явились в Финляндию и опять — с „песней“. Я так говорю, ибо то, что *(вы)* увидите на нашей скромной выставке, ничто иное, как песня. Это лирика нашей народной души. Этот тот великий идеализм, давший нам силу и бодрость сохранить через века страшной борьбы с азиатами живую душу. Дивные наши ковры были распроданы почти в два дня. Изящные кружева, хотя и дорогие, также в большом количестве были проданы. Остальные вещи также шли бойко, хотя наша цель не была продавать. Но люди хотели иметь у себя частицу этой поразительной красоты и уносили ее по кусочкам, как уносят паломники реликвии из святых мест». Упоминаются: Елен Свинхуфуд (Svinhufud; 1869—1953) — жена Перы Эвинда Свинхуфуда, третьего президента Финляндии; Калле Теодор Ютила (Juttila; 1891—1966), в то время — министр сельского хозяйства (в 1932—1936 годах); писательница Майла Талвио (Talvio; 1871—1951), супруга профессора И. Миккола (см. прим. 1 к п. 53); Вильо Йоханнес Мансика (Mansikka; 1884—1947) — фольклорист, диалектолог; действительный член Академии наук Финляндии; Йохан Людвиг Рунеберг (Runeberg; 1804—1877) — финский поэт, писавший на шведском языке.

³ Имеется в виду ежемесячный «Журнал Содружества» (Выборг, 1933—1938).

⁴ См. прим. 4 к п. 35.

⁵ Бальмонт имеет в виду заметку, появившуюся за подписью «А. Н. Т.» в газете «Последние новости» (1934. 8 фев. № 4705. С. 3). Приводим ее основной текст: «Журнал, начинающий второй год своего издания, уже не развлечение, а серьезное культурное предприятие. По тому, с какой заботливостью издается он, и по тому, что в нем помещается, можно судить, что находится журнал в культурных руках. В очередном номере можно отметить целый ряд статей (...) стихи А. Вилькен и Веры Булич (с эпиграфом из Анненского). Много места уделено местному театру, разбору книг и хронике. Эльза Эрнер *(sic!)* посвятила нобелевскому лауреату стихи. Можно пожелать молодому русскому изданию процветания в суровой и далекой Финляндии». «Очередной номер», в котором опубликованы все названные произведения, — № 1 (13) за 1934 год (январь); Алек. Вилькен — один из авторов «Журнала Содружество»; см.: Редакционная переписка «Журнала Содружества» за 1932—1936 годы с приложением Полной росписи содержания журнала. Из истории русской эмиграции в независимой Финляндии / Изд. подг. А. Г. Тимофеев. СПб., 2010. С. 610; о В. С. Булич см. подробно прим. 3 к п. 14; Эльза Эндер — поэтесса (ее стихотворение, посвященное Бунину («Бунин — чистое сиянье...»), появилось под заголовком «Привет лауреату: Ивану Алексеевичу Бунину»).

⁶ Стихотворение «Павлин» с подзаголовком «Из сновиденного преддверья» опубликовано в «Последних новостях» (1934. 22 апр. № 4777. С. 3).

⁷ Ср. прим. 8 к п. 40.

57

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine. 1934. 1 марта.

Дорогой друг
Иван Степанович,

От заботы к заботе, дни бегут, а я еще не откликнулся на Ваши ласковые слова от 11-го февраля, с добрым подарком, за который сердечно благодарю.¹

Шлю Вам оттиск моего очерка о Филеасе Лебеге.² Только он да прекрасный романист Альфонс де Шатобриан,³ недавно напечатавший чудесную повесть «La réponse du Seigneur»⁴ (очень большое духовное достижение), мне милы из французов, которые так пали, что трудно различить, кто из них честный, кто вор.

У нас близится весна. Нужно бежать куда-н(и)б(удь), ибо через месяц всё кругом будут ломать и разрушенные сады превратят в дорогу для автобусов. А куда бежать и на что бежать, не знаем. Сербия, конечно, не пригласит. Сомневаюсь и в Чехии. Болгария вовсе обеднела. За облака надо улетать. Да крыльев нет.

Привет Вам, дорогой, и Валентине Петровне.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ См. прим. 1 к п. 36.

² См.: Бальмонт К. Деревенские поэмы Ф. Лебега // Последние новости. 1934. 23 фев. № 4719. С. 2 (реп. на кн.: *Lebesque Ph. Choix de poèmes. Préface de Camille Mauclair et de A.-M. Gossez. Paris, 1934*).

³ Шатобриан Альфонс де (Châteaubriant; 1877—1951) — французский писатель. Бальмонт высоко ценил его творчество, был с ним лично знаком и переписывался, а весной 1925 года гостил у него в Бретани.

⁴ «Ответ Господа» (фр.). Повесть А. де Шатобриана (1934).

58

Clamart. 1934. 2 м(а)рт(а).

Дорогой Иван Степанович,

Вчера я написал Вам письмо, потом отправился с Ел(еной) К(онстантиновной) в Париж. На вокзале Montparnasse Ел(ена) К(онстантиновна), выходя из вагона, обронила это письмо, а когда мы заметили его исчезновение и вернулись среди толпы назад, письма мы уже не нашли. Хочется думать, что его подобрал какой-н(и)б(удь) честный человек и опустил в почтовый ящик. Но буду беспокоиться, пока не получу от Вас вести.

Всего доброго.

Ваш

К. Бальмонт.

60, rue Cécile Dinant,
Clamart. Seine.
1934. 30 апреля.
Вечер.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Я провел полтора месяца в подготовке моего вечера¹ и пережил необычайно-сложную работу, размышляя о теме, которую сам себе задал. Знаю, что написал что-то сильное. И глубокое, восторженное внимание к моим словам о Любви и Ненависти, внимание полной залы, слушавшей напряженно, было, конечно, для меня и моих праздником. Но душа моя после этого опустошена. Ведь восходя на горы, — Вы это отлично знаете, — хочешь всходить еще и еще выше. И вот — лишь острие. Идти выше некуда. А спуск вниз это словно признание, что и всходить не нужно было.

Поглощенный работой, еще не сказал: «Спасибо от сердца, друг, за сердечную заботу и подарки». Еще раз вспомнил, как певуче-хороши югославянские ковры и лица, и горы, и озера, и уголки городов. Снова манит к Сербии мечта, к ее суровой, но и мягкой красоте. Туда бы! Но люди там сейчас в злом. Как и здесь. Как везде.

«Только одну я люблю бесконечность, —
Душу мою!»²

Но как жутко и холодно душе!

Богдана Лепкого не знаю.³ Поляки к «Слову о п^олку» И^ггоре^ве» относятся произвольно, ложно, даже когда любят его. Я их знаю. Исторические их лжи, как и лжи украинцев и немцев, тождественны. Ляцкого еще скорее, может быть, стоило бы прочитать. Он говорил мне в Белграде (когда я вместе с Вами там был),⁴ что он изучает все русские летописи в полном объеме. Много ему в этом помогала его жена, юная и очень нам понравившаяся сербиянка.⁵

Ночь. 1-й ч^ас. Поют петухи. Мы вернулись с «предсонной» прогулки. Но, вместо сна, я надышался цветущими яблонями, взял Ваш листок северного расцвета «Бол и слобода»,⁶ — и вот Вам еще ночная бабочка.⁷ Она мне нравится, эта бабочка.

Дорогой Валентине Петровне, так красиво работающей с Вами в трудовой, в умной, в сердечной Вашей жизни, привет, и Вам, друг хороший.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Имеется в виду выступление Бальмонта 24 апреля 1934 года в зале парижского Общественного музея (Musée social). Свое выступление на этом вечере Бальмонт озаглавил «Любовь и ненависть — два в сердце острия». См. об этом п. 60, а также письмо Бальмонта к И. С. Шмелеву от 17 апреля 1934 года (Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. С. 326—327).

² Неточная автоцитата из стихотворения «В душах есть все, что есть в небе, и много иного...» (Бальмонт К. Горящие здания. Лирика современной души. С. 82). В оригинале: «Только одну я люблю беспредельность».

³ Лепкий Богдан Сильвестрович (Теодор Нестор) (1872—1941) — украинский поэт, прозаик, критик, переводчик, историк литературы, публицист, издатель; общественно-политический деятель. Жил в Германии (1922—1925), затем в Польше. Перевел на украинский язык «Слово о полку Игореве» (1905). «Не известен ли Вам проф^ессор Бохдан Лепкий, из Кракова? — спрашивал Шайкович в письме к Бальмонту 28 марта 1934 года. — Из одной брошюрки я узнал, что он увлекается „Словом“, хотя, кажется, с односторонней, украинской точки зрения».

⁴ Имеется в виду встреча и знакомство Бальмонта с Шайковичем весной 1929 года в Белграде (см. подробнее вступ. статью).

⁵ Видосава (Павловна), урожд. Зелена (1913—1991), филолог-славист, переводчица; третья жена Ляцкого.

⁶ «Боль и воля» (сербск.). См. прим. 4 к п. 60.

⁷ «Бабочкой» Бальмонт называет стихотворение (см. прим. 3 к п. 37).

60

Clamart. 1934. 19 мая. Ночь.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Спасибо Вам за дружбу, за любовь, за братскую заботу, так нас выручающую,¹ спасибо Вам за мужественную, никогда себя не теряющую, бодрость Вашу. От звучного вскрика птицы, от сильного взмаха ее крыл разве не становится сильнее и звучнее наша собственная душа!

Шлю Вам «Любовь и ненависть — два в сердце острия!»,² — не так, как я это читал, а так, как написал. При чтении, частью из боязни утомить слушающих, частью из соображений иных, я выпустил следующие места:

1. Всю 3-ю страницу со слов: «Сад предназначенных».

2. Всю 4-ю страницу.

3. Отдельные места 19-й стр(аницы).

4. Из поэмы к Сафо на стр. 36—37 главы 2-ю и 3-ю.

Конечно, я полагаю и убежден, что не надо выпускать из этого очерка — ничего. Он явился сводкой долгих размышлений и музыкальной передачей пережитого, нескольких вдохновенных недель, дней и часов. Мне кажется, что для публичных выступлений, кроме «Ликов Женщины в поэзии и в жизни», я никогда не писал так радостно-вдохновенно и так зодчески-цельно.

Прекрасный Ваш стих «Боль и воля» постараюсь лукаво подсунуть в «Посл(едние) Нов(ости)», где, как Вы знаете, Вас помнит злопамятный политик-историограф.³ Если же этот ход не пройдет, останется, увы, только полумертвое «Рос(сия) и Слав(янство)».⁴

Oscar v(on) Schoultz получит «Северное Сияние» в тот же день, что Вы эти строки. Высылаю одновременно.

Если б он (если может) перевел «Любовь и Ненависть» на шведский язык, я был бы счастлив. Может быть, Вам захотелось бы перевести это на сербский? Это было бы чудесно.⁵ Но Вы в таких хлопотах, что вряд ли это теперь мыслимо.

Когда я читал Елене Ваше последнее письмо при Мирре, она, которую я много раз бранил за неверные рифмы, — но у нее есть музыкальное чутье, и тут она не так груба, как ее сверстники, — она пришла в восторг от Вашей стальной формулы: «Умышленное выискивание недоношенных рифм и с тяжелым ритмом погребального марша».⁶ Она восхищена, что сербский поэт может так хорошо писать по-русски, и говорит, что Ваше письмо надо бы напечатать в сборнике образцов переписки с друзьями (если б он был!). Умная и вздорная наша дочь истерзала нас тратами и заботами.

Ел(ена) К(онстантиновна) шлет лучшие приветы Вам и дорогой Валентине Петровне. Исхудала она, бедняга, и измучилась вконец. Без нас наша дочь, верно, уже сидела бы в тюрьме или в сумасшедшем доме. И что самое обидное, все ее дикие выходки — напускные, выдуманные. В моем отцовском, т. е. мужском сердце сострадание к ней почти кончилось, и я просто хотел бы быть за 10 000 верст от нее. Как от чумы или от тучи саранчи. Не удивитесь моим словам. Я все могу простить, но не систематику вбрасывания в мою душу искажающего ее, яростного негодования.

Придется Вам поработать с томами Вашей библиотеки!⁷ Но какая это хорошая работа!⁸ Косить луг, однако бы, лучше было.

Всего светлого Вам, друг.

Ваш

К. Бальмонт.

24 мая. Утро.

И опять хлопоты, помешавшие мне сразу перечитать посылаемую Вам рукопись.

Наконец, эти мои мысли и мечты полетят к Вам, в лучах Солнца. И дрозд свирелит за окном. Будьте счастливы!

К. Б.

¹ См. прим. 1 к п. 36.

² Очерк Бальмонта, написанный им для выступления на вечере 24 апреля 1934 года. До настоящего времени не публиковался (текст сохранился в архиве Шайковича). Готовится к печати.

³ Имеется в виду П. Н. Милюков (ср. прим. 5 к п. 35).

⁴ Ни в одном из названных периодических изданий это стихотворение Шайковича в переводе Бальмонта не появилось. Опубликовано в «Журнале Содружества» (1934. № 12 (24). С. 12).

⁵ Ни один из переводов этого очерка не состоялся.

⁶ Цитируемые слова в письме Шайковича Бальмонту от 12 мая 1934 года относятся к Вере Булич. «Посылаю Вам книжку стихов талантливой Веры Булич, — сказано в этом месте письма. — Как жаль, что она ударились в корявый „модернизм“... <...> Я ее очень побранил, ибо жалею ее несомненный талант». Речь идет о кн.: *Булич В.* Маятник. Стихи. Гельсингфорс: Либрис, 1934.

⁷ Отклик на слова Шайковича в письме от 12 мая: «На днях мы переезжаем на новую квартиру — надо упаковать и сейчас распаковать несколько тысяч томов. Будет мне порядочная гимнастика, ибо к этому священнодействию я чужих рук не допускаю».

⁸ См. прим. 9 к п. 44 и прим. 2 к п. 52.

61

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1934. 22 июня.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Очень грустно мне, что так долго молчите. Я не знаю даже, получили ли Вы мое, уже давнишнее, письмо, в котором была вложена «Моя Любовь и Ненависть».¹ Одновременно, я послал «Сев(ерное) Сияние» проф(ессору) О. ф(он) Шульцу, ответная от него открытка была помечена 30-м мая!

Хочу думать, что не болезнь Вал(ентины) Петр(овны) и не какое-либо несчастье мешают Вам написать, а просто чрезмерное обилие хлопот в связи с переездом в новое обиталище.

У нас все то же. С голоду еще не умерли, — Бог даст и не умрем.

Шлю Вам «Двойной брег»² и «Ведающие вежды».³ Вся последняя эта поэма, в сущности, родилась из одного слова: древние индусы времен возникновения «Вед» называли слона — «зверь с длинной рукой». В душе моей, когда я встретил это слово, вдруг разъялся целый кладезь, и я, счастием залитый, написал поэму в 2—3 часа, — а потом двое суток блаженно ее переживал и, в разных местах, дополнил девятью строками.

О, если бы люди нынешнего дня могли жить так, как индусы той лучезарной древности!

От Ел(ены) К(онстантиновны) и от меня Вам и дорогой Валентине Петровне наилучшие наши приветы.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ См. прим. 2 к п. 60.

² Цикл из двух стихотворений: 1) «Синий лед и белый снег...»; 2) «Я не верю в синий лед...» (Последние новости. 1934. 25 дек. № 5024. С. 2).

³ Стихотворение «Ведающие вежды» («В лесах великий зверь, с рукою длинной...») до настоящего времени, насколько известно, не публиковалось. В архиве Шайковича — авторизованная машинопись с датой: «1934. 2—4 июня».

62

Clamart. 1934. 22 июля.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Как же это грустно не получать от Вас вестей и ничего о Вас не знать. Быть может, в хлопотах Вы позабыли, что уж месяца два Вы мне не писали? В чем Вы? Здоровы ли? Здорова ли Валентина Петровна? Все Ваши?

У нас все то же, что я называю дурной бесконечностью.

Шлю Вам «Колдовские цветы» и «Кукушкин сапожок» (хотя его, в рукописи, кажется, посылал еще в прошлом году).¹

«Боль и воля» отослано в «Рос(сию) и Слав(янство)».²

Читаю книги Лефкадио Хёрна³ о Японии и восхищаюсь его тонким проникновением и четкой изобразительностью. Не сочтите мои слова за *mania grandiosa*,⁴ но мне кажется, что, кроме Хёрна и меня, никто из белых не понял Японию и японцев.⁵

Приветы ласковые.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Стихотворение «Колдовские цветы» было опубликовано в «Последних новостях» (1934. 1 июля. № 4847. С. 4). О публикации стихотворения «Кукушкин сапожок» см. прим. 7 к п. 52; дата под газетной публикацией: «1933. 26 октября».

² См. прим. 4 к п. 60.

³ Хёрн Лефкадио (Hearn; 1850—1904) — ирландско-американский писатель и востоковед, поклонник и пропагандист Японии. Автор книг, посвященных Японии и японской поэзии. Переложил на английский язык японские предания и легенды. Провел в Японии долгие годы (принял японское имя и женился на японке). Умер в Токио, где и похоронен (на буддийском кладбище).

⁴ Мания величия (лат.).

⁵ О путешествии Бальмонта в Японию в 1916 году и его восхищении этой страной см.: Азатовский К., Дьяконова Е. Бальмонт и Япония. 2-е изд., испр. и доп. СПб., 2017.

63

Кламар. 1934. 26 июля.

Дорогой друг

Иван Степанович,

Наконец-то вчера мы получили весточку о Вас, добрый заботник и верный брат. Но как грустно Ваше письмо,¹ как оно стиснуто, словно Вы в безвоздушной, подземной тюрьме. Да, люди вообще стали ныне образцовые мерзавцы, и зараза

эта разлилась по целому Земному Шару. Нам так-так жаль и Вас, и дорогой Валентины Петровны. Лучше — выговоритесь другу и расскажите нам о всех гадостях, которые Вам сделали, они, сказанные, тем самым перестанут существовать или, во всяком случае, утратив остроту своего поганого жала, попрячутся уныло по углам и не посмеют слишком часто оттуда выглядывать.

Только что кончил небольшую (19 стихотворений), из них 2—3 поэмы) книжку «Голубая Подкова. Стихи о Сибири» и посылаю ее в Чураевку, в штат Коннектикут, Г. Д. Гребенщикову,² он хочет ее осенью напечатать.³ Посылаю Вам из нее несколько вещей.⁴

Милые и дорогие, крепите свою силу, как и мы стараемся это делать с собою в тяжкие наши дни. Приветы светлые.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Копия этого письма в архиве Шайковича не обнаружена.

² Гребенщиков Георгий Дмитриевич (1882—1964) — прозаик, драматург, публицист. Покинул Россию в 1920 году. С 1924 года — в США. Поселившись в штате Коннектикут, пытался организовать своего рода русский культурный центр «Чураевка» (по названию своего много томного романа-эпопеи «Чураевы»). Бальмонт сблизился с Гребенщиковым в Париже в 1922—1923 годах, часто встречался с ним, посвятил ему несколько стихотворений. «Единственный человек, к которому я привязался здесь», — писал он о Гребенщикове 6 марта 1923 года Д. Э. Шаховской («Мы встретимся в солнечном луче». Письма Константина Бальмонта к Дагмар Шаховской 1920—1926. С. 275).

³ Сборник «Голубая подкова. Стихи о Сибири 1916—1934» (с иллюстрациями художника В. Ф. Ульянова) был издан в 1936 году в Саутбери (Коннектикут) в издательстве «Алатас» (в переводе с казахского — «Белый камень»), основанном Г. Д. Гребенщиковым в 1923 году в Нью-Йорке при содействии и участии Н. К. Рериха.

⁴ К письму были приложены стихотворения Бальмонта, написанные в апреле—мае 1916 года: «Вскрытие льда», «Над Байкалом», «Весенние», «Тайга» и «В лесу».

64

60, rue C. Dinant,
Clamart, Seine.
1934. 27 авг(уста).

Дорогой друг

Иван Степанович,

Не выдержало сердце бедной Лидии Львовны. 23-го, утром, не от нее получил я письмо, которого ждал, а от ее дочери, Беатрисы Эдмундовны, с сообщением, что после недели сильных страданий Лидия Львовна скончалась 3-го авг(уста), в ½-у 2-го ночи. В 5-м часу дня возник мой «Вестник»,¹ который посылаю Вам.

Хорошо, если несколько слов напишете Беатрисе: U. S. A., Miss Beatrice Noble, 89, Pine St., Malden, Mass(achusetts).²

Жду от Вас весточки. Как здоровье дорогой Валентины Петровны? Как Вы? Приветы.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Стихотворение «Вестник» (памяти Л. Л. Пименовой-Нобль) опубликовано в газете «Последние новости» (1934. 20 сент. № 4928. С. 3).

² США. Мисс Беатриса Нобль, Пайн стрит 89, Молден, Масс(ачусетс) (англ.).

65

Clamart. 1934. 26 сент⟨ября⟩.

Друг милый Иван Степанович,
Друг дорогой Валентина Петровна,

Наконец-то светлый знак от Вас! Ну, было горе, есть горе, да вот, что живы-то, что не погибли, что еще не заклевали Вас человеки — бесчеловечные коршуны и глупцы невразумительные, на это радуемся. Нам ведь еще хуже здесь. Но от луча к лучу пробираешься кое-как. Вот сегодня живой голос Ив⟨ана⟩ Ст⟨епановича⟩, в утро, когда за ненастьем протянулся луч Солнца, — этот голос друга пришел еще другим лучом, пришел, ласково дотянулся в дни такие трудные и оброшенные.¹

Не хочу верить, чтобы сербы обманули серба.² Однако разве русские не обманывают русских?

Но у нас есть дозорная вышка. Взойдешь на нее, — воздух чище, прозрачнее, земное картинно-выразительнее, независимее от людского, и звезды — говорят.

Спасибо, дорогие, за проснувшееся во мне мое сердце!

Ваш

К. Бальмонт.

Р. S. Шлю «Праздник Поэзии»³ и «Незабываемое».⁴

¹ Имеется в виду письмо Шайковича Бальмонту от 21 сентября 1934 года.

² В своем письме Шайкович подробно описывал служебные и бюрократические сложности, с которыми он и его жена столкнулись в последние месяцы. «Велено было мне с 1 апреля взять новую большую квартиру, на которую будто уже отпущены специальные суммы. Я поступил как сказано. Увы, в течение почти 5 месяцев никаких денег не было. Стоит ли рисовать Вам картину всех переживаний за это время. Я согнулся как смычок. Валентина Петровна серьезно захворала — нервные сердечные припадки. Лето ухнуло. В конце концов пришли эти противные деньги, но радости не было. В будущем эти деньги на квартиру проблематичны — в любое время могут быть отняты. А у меня, на мое имя, контракт на 2 года. Перестанут посылать деньги — я заплачу всем своим имуществом, главную часть которого представляют мои дорогие друзья — книги.

Все остальные обещания — блэф ⟨sic!⟩.

Вот, это только контуры, а по содержанию не спрашивайте. Все рассказать — волоса ⟨sic!⟩ встанут».

³ Очерк «Праздник поэзии (Хомяков как поэт)» не опубликован. В архиве Шайковича сохранилась машинопись.

⁴ Стихотворный цикл из двух стихотворений: 1) «Осенний полдень» («Разжужжалась...»); 2) «Россия» («Россия, какое желанное слово!..»), опубликованный в «Последних новостях» (1934. 4 нояб. № 4973. С. 4). Дата под газетной публикацией: «1934. 20 сентября».

66

Clamart. 1934. 19 окт⟨ября⟩.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Я хотел Вам писать еще 9-го, но после трагической вести¹ все слова умерли и душа погрузилась в изумление, гнев и печаль.

Я шлю Вам страницы «Лицо серба»,² посланные в «Посл⟨едние⟩ Нов⟨ости⟩». Не знаю, напечатает ли их эта убогая газета. Другой нет.³

Всем моим сердцем, от себя и Елены, шлю привет Вам и дорогой Валентине Петровне.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ Имеется в виду известие о гибели короля Югославии Александра I Карагеоргиевича (1888—1934; в 1914—1921 годах — принц-регент, с 1921 года — король), убитого (вместе с министром иностранных дел Франции Ж. Л. Барту) 9 октября 1934 года в Марселе хорватскими националистами.

² Бальмонт отправил Шайковичу первоначальный вариант очерка (без последней страницы). Одновременно этот очерк (в той же редакции) был послан И. С. Шмелеву (опубликован в кн.: Константин Бальмонт — Ивану Шмелеву. С. 402—406. В окончательной редакции очерк Бальмонта напечатан в белградской газете «Россия» (1934. 17 нояб. № 31. С. 1; специальный номер, посвященный памяти короля Александра; издание Союза писателей и журналистов в Белграде. В конце очерка — помета: «1934. 19—27 окт(ября). Клармар. Сен(а)»).

³ См. п. 67.

67

Clamart. 1934. 20 ноября.

Дорогой друг
Иван Степанович,

Спасибо Вам сердечное за полученную, наконец, от Вас весть и за братский дар, выручаете Вы нас в дни оброшенности.¹ Письмо Ваше такое замученное.² Жалко и мне, и Ел(ене) К(онстантиновне) Вас, дорогую Валентину Петровну и бедного Вашего сына. Судьба прямо ополчилась на Вас, и много душевных сил должно уходить на такую героическую борьбу с жизнью. Но мы живем в такие странно-жестокое дни, когда именно честных, достойных людей теснят отовсюду беды, а все низкое благополучествует.

Вы не упомянули, дошел ли до Вас мой очерк «Лицо серба». Пред выступлением в Salle Gaveau³ на вечере, посвященном памяти Короля Александра, я написал прилагаемую здесь 4-ую страницу.⁴ Полный зал дружно откликнулся на слова генерала Деникина,⁵ Зеелера⁶ и мои. Но мерзкий Милюков наотрез отказался поместить в «Посл(едних) Нов(остях)» и мой очерк о Хомякове,⁷ и мой очерк об Александре. Можно подумать, что это гелертер⁸ немецкого образца. Да это, кажется, так и есть.

Шлю Вам также «Летний огляд»,⁹ «Среди камышей»¹⁰ и «Тихозвон».¹¹

Вы неутомимый работник. Как было бы хорошо, если бы Белич осуществил напечатание Ваших переводов «Калевалы» (я безмерно ее люблю) и «Полтавы» (родник живой воды). Но обещания Белича — весьма зыбкая почва.

Дорогой друг, шлю Вам пока лишь этот краткий привет. Мы перекликаемся, как птицы ночью, которых разбудили на их дереве. Еще нужно снова затихнуть. Ночь длинна.

Ласковые приветы, много ласковых мыслей Вам и верной Вашей спутнице.

Ваш

К. Бальмонт.

¹ См. прим. 1 к п. 36.

² Копия этого письма Шайковича не обнаружена.

³ Зал Гаво (фр.) — известный концертный зал в Париже на ул. Ла Боти.

⁴ Последняя страница очерка, о которой идет речь, сохранилась в архиве Шайковича.

⁵ Имеется в виду А. И. Деникин (1872—1947).

⁶ О В. Ф. Зеелере см. прим. 1 к п. 46.

⁷ См. прим. 3 к п. 65.

⁸ Гелертер (нем. Gelehrter) — ученый-педа́нт.

⁹ Публикация стихотворения «Летний огляд» не выявлена. Машинопись с датой «1934. 29 сентября» сохранилась в архиве Шайковича.

¹⁰ Стихотворение опубликовано в «Последних новостях» (1934. 25 нояб. № 4994. С. 4).

¹¹ Последние новости. 1935. 6 янв. № 5036. С. 4.

60, rue Cécile Dinant,
Clamart, Seine.
1934. 25 декабря.

Дорогие друзья,
Иван Степанович,
Валентина Петровна,

Хоть не наши сейчас Святки, невольно вспоминаешь тех, кого любишь, и, откладывая подробное письмо на позднейший срок, шлем пока несколько слов пожелания Вам, всегда нами помнимым, светлых чувств, доброго здоровья, хороших вестей от близких-далеких и счастливого поворота, в Новом Году, всех дел человеческих от Тьмы к Свету.

Ваши

Ел(ена) и К. Бальмонт.

(Окончание следует)

DOI: 10.31860/0131-6095-2018-4-190-201

И. А. БУНИН. ИЗ ДНЕВНИКОВ 1944—1945 ГОДОВ. ДНЕВНИКИ 1946—1953 ГОДОВ*

(ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ, ПОДГОТОВКА ТЕКСТА И КОММЕНТАРИИ
© Т. М. ДВИНЯТИНОЙ)

И. А. Бунин говорил, что дневники — «одна из самых прекрасных литературных форм»,¹ но сам большую часть своих дневников сжег. Он по крайней мере дважды избавлялся от записей, которые не хотел доверять чужому взгляду. Об уничтожении дневников летом 1925 года мы знаем из записи его жены, Веры Николаевны Буниной,² о том, как это было в 1941 году, — из его собственной: «Переписал кое-что с истлевших, чудом уцелевших клочков моих записей конца 1885, начала 1886 и конца 1887 гг. и с болью сердца, поцеловав, порвал и сжег их. Продолжал вспоминать и записывать дни и годы своей жизни».³

Можно предположить, что таких случаев было в его жизни значительно больше. В декабре 1931 года Бунин признался жене, что сжег семнадцать страниц «Жизни Арсеньева».⁴ В 1934 году он забрал у Г. Н. Кузнецовой свои письма, «изорвал и сжег» их.⁵ О том, что «различные тетрадки с картонными обложками»

* Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 17-18-01410 «Академический Бунин. Источниковедение, текстология, методология»). За постоянную помощь и консультации в работе с бунинским наследием благодарю хранителя Русского архива в Лидсе (РАЛ) Ричарда Д. Дэвиса. За расшивку ряда записей и помощь при комментировании благодарю также Г. З. Брэдли, М. В. Захарову и О. А. Ростову. Тексты печатаются с разрешения The Ivan and Vera Bunin Estate.

¹ И далее: «Думаю, что в недалеком будущем эта форма вытеснит все прочие» (Устами Буниных. Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В 3 т. / Под ред. М. Грин. Frankfurt a/M., 1977. Т. 1. С. 149; запись от 23 февраля 1916 года).

² См.: «Ян разорвал и сжег все свои дневники-рукописи. (...) „Я не хочу показываться в одном белье“» (Устами Буниных. Т. 2. С. 145—146; запись от 30 июля 1925 года).

³ Устами Буниных. Т. 3. С. 86. Запись И. А. Бунина от 8 марта 1941 года.

⁴ РАЛ. MS 1067/403. Дневник В. Н. Буниной, запись от 24 декабря 1931 года.

⁵ РАЛ. MS 1067/532. Дневник И. А. Бунина, запись от 2 мая 1940 года.